

18+

ГЕРОЙ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

ЯСТРЕБИНСКИЙ В.

Вячеслав Ястребинский

Герой вчерашнего дня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887294

ISBN 9785449878878

Аннотация

Здесь была написана аннотация, но прочесть ее теперь невозможно, голубой мох пророс в данном месте и мешает разглядеть текст.

Содержание

Герой вчерашнего дня	5
– ОПЯТЬ ОДНИ ОТГОВОРКИ- СКОРОГОВОРКИ?!	25
Квест «ГОСТЕПРИИМСТВО» завершен	47
LEVEL UP!	48
«ДА» – «НЕТ»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Герой вчерашнего дня

Вячеслав Ястребинский

Дизайнер обложки Мария Сергеевна Ястребинская

© Вячеслав Ястребинский, 2020

© Мария Сергеевна Ястребинская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-7887-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герой вчерашнего дня

То была глубокая бездонная пропасть, пересохший замшелый колодец или кроличья нора, как в той старой детской книжке. Я летел сквозь тьму не видя ничего, даже собственных рук. Время будто бы замерло. Ветер трепал мои волосы и странными по-летнему теплыми потоками обдувал лицо. Дна не наблюдалось. Подо мной расстилалась лишь угольно черная пустота. Вдруг перед глазами начали появляться робкие огоньки, и, казалось, вот-вот завершится полет. Однако, это светили либо лампочки, либо флюоресцирующие грибы, сверкающие точно гирлянды голубоватым светом, прорастая на стене. Огни сливались в бледные линии, расплываясь на черном фоне тонкими прожилками. Тоннель все не заканчивался, а я тем временем падал и падал, погружаясь вглубь бесконечной черной пасти.

Тем не менее всему приходит конец. Полет не может быть вечным, особенно если это падение. Любая бездонная пропасть в своем чреве дождется вас либо острыми зубьями-скалами, либо еще чем похуже. В моем же случае все оказалось немного не так, как ожидалось.

Дно, днище. Тьма не стала рассеиваться, открывая передо мной врата света со словами: «Здесь ты останешься навсегда!» Нет. Прямо перед решающим шагом к неминуемому концу по моему чуткому обонянию ударил мерзкий смрад,

словно тухлые яйца смешали с прокисшим молоком и свежим коровьим дерьмом. Глаза защипало и всего на секунду я их прикрыл. В это же мгновение мое тело приземлилось в мягкую жижу. Я даже не успел ничего понять. Все произошло в один миг. Разве могло столь долгое падение окончиться вот так?

Вязкая грязь поглотила меня, заключила в свои мягкие нежные объятия. Руки и ноги не спешили слушаться. Секунды замерли на часах моей жизни. Вот такой неожиданный и глупый финал. Нет уж! Только не сегодня и только не здесь! Если я все еще жив, пережил такое затяжное падение, то погибнуть в месиве из... из, даже не хочу думать из чего, это верх абсурда. До того, как перед глазами начала пролетать вся моя столь насыщенная чудесная жизнь, я кое-как сумел унять нарастающую панику и из последних сил вырваться из плена. Перемазавшись в грязи, откашливаясь зловонной жижей я выбрался на поверхность, нащупав руками твердую почву. Если бы я сказал, что во рту словно кошки нагадили, я бы оказался лжецом. А я не любил врать и не занимался столь постыдным делом. Правда и ничего кроме правды, так ведь? Во рту же было куда как хуже, чем если бы там устроили вечеринку кошки. О, этот непередаваемый и ни с чем несравнимый вкус. Фу! Оно везде. Во рту, в глотке, в носу, в ушах; даже, как мне казалось, в легких и в желудке! Меня тошнило, ох как меня тошнило! Я плевался вязкой дрянью, кашлял, как прокуренный старик-са-

пожник. А вокруг царила тишина. Тишина и тьма.

В тишине и тьме сверкали бледные огоньки. Это были не фонарики, не грибы, как мне сперва показалось. Взглянув на них внимательнее и рассмотрев поближе, стало совершенно понятно – это мох. Голубой мох, росший в недрах темных тоннелей катакомб являлся единственным источником света. Бледное свечение привлекало насекомых. Мелких мошек, кружащихся облачками вокруг. Тут и там. Среди них я был просто тенью: усталым путником, бредущим вдоль стен, ориентируясь по линиям паутины мха. Эхо моего кашля и шагов уносилось куда-то вдаль, утопая в нескончаемой тьме.

Касаясь влажных плесневых стен, ступая как по минному полю, я шел туда, куда глядели глаза. То есть в никуда. Но любое движение лучше, чем стоять на месте и ждать конца или чуда. Я слышал, слышал звуки. Их было много. Слева в жиже что-то булькало, мошки жужжали вокруг, и капало-капало-капало. Но вдруг раздался голос. Я остановился. Прислушался. Тишина. Неужели мне показалось? Я ведь так явно слышал... нет. Стены сжимались, давили. Мрак пережевывал меня.

Но в пустоте оказалось не так и плохо. Я открыл глаза и продолжил свое странствие по стрелочкам-ориентирам из флюоресцирующего мха. В ушах жужжали мошки. Они же норовили заползти за веки, приходилось отбиваться. Это война, в которой я заведомо проиграл. Полчища жалких

букашек окружали меня. Тусклый свет манил вперед, притягивал к себе и увлекал за собой. И я двигался, а что еще оставалось делать?

Странный звук. Снова голос? Я замер. Застыл, прислушиваясь, но слышал лишь звук своего сердца, которому кто-то накрутил громкости. А затем тьма рассеялась. По лампочкам пробежал ток. Тени испугались и разбежались по углам. Я зажмурился, закрыл глаза руками. Ко мне приближались шаги. Я немного потерялся в пространстве. Пытаясь удержаться за стену, не нащупал ее и завалился за угол. Упал точно в грудь какого-то старого тряпья неподалеку от ржавой решетки. Застыл, словно меня тут нет, слившись с сумраком. И наступила тишина в которой так явно слышались приближающиеся шаги. Шаги и голос. А под веками лениво ползала парочка отбившихся от своего племени мошек.

– Тебе все равно не убежать, слышишь?

Это звучали не шаги – это была настоящая погоня. Сперва появились тени. Затем люди. Они завернули в отрезок тоннеля, где притаился я. Мимо меня пробежал первый, а следом с отставанием в пару секунду второй. Оба не заметили меня. Оно и не удивительно, ведь я умело слился с окружением в куче рваных тряпок. Первый пытался удрать, да, еще как пытался! Вот только его побег крайне быстро оборвался, ведь сквозь прутья решетки он просочиться не мог, увы, даже несмотря на то, что одного прута не доставало в ней. Преследовавший его тип заржал. Злорадный смех помчал даль-

ше вглубь подземелья, пройдя сквозь предательскую решетку.

– Вот и все, – пожал он плечами, – я ведь говорил, что тебе от меня не убежать, не так ли? – Он извлек из кармана нож. Лезвие блеснуло в тусклом желтом свете покачивающейся под потолком лампочки.

Я старался залезть еще глубже в тряпки, вот только глубже уже было некуда. Первый обернулся. На нем был надет старый потрепанный черный плащ-дождевик. Лица не видно. Голову скрывал капюшон. Он молчал и больше не пытался удрать. Бежать было некуда.

– Кто-то сегодня славно поужинает, ха-ха-ха. Ты пойми, я ведь мог бы тебя отпустить, но я никогда прежде не пробовал крысятину. Да и мужики зачмырят если узнают, что я не прихлопнул одного из ваших, когда тот был в моих руках на НАШЕЙ территории. Сам виноват, что залез сюда. — лезвие в руках мужика в штанах цвета хаки весело засверкало, точно маленькая звездочка.

Я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, своих хватает. Такое уж у меня правило по жизни, что поделать. Но любое правило однажды нарушается. Легко оставаться в стороне, легко быть лишь наблюдателем, завернувшись в тряпье, точно робкая тень. Но что-то такое... не знаю. Может, его черные глаза, которые наблюдали за мной из-под капюшона. Он видел меня, видел мой страх. Я хотел испариться на месте, либо рысью убежать пока не поздно. Однако, рукой я нашу-

пал под собой недостающую часть решетки. Металлический прут незаметно лег мне в руку. И если бы Хаки сейчас обернулся он бы весьма удивился, обнаружив, что тряпки ожили и поднялись почти на два метра над землей. Но ему было не до меня. Его цели были поставлены, и он шел осуществлять их со своей извращенной чистой совестью.

Лампочка качнулась и на долю секунды свет погас. Этого оказалось достаточно, чтобы тени образовали вокруг нашей небольшой компании безмолвный хоровод. Я был быстр как никогда. Два резких шага, и я уже за спиной недоброжелателя. Тряпки свисают с меня, срываются на каменный пол. Наверное, со стороны я напоминал страшное существо, живущее в самом глубоком и темном болоте. Свет. Тени поежились и отступили. Взмах прута рассек напряжение в теплом воздухе зловонных катакомб.

– Что за?! — это все, что он успел произнести.

Слова утонули в полумраке. Словно отточенным движением я рванул руку вперед. Металл противно звякнул по грязной рыжей черепушке. Нож выпал из его обмякшей руки. Дух вывалился из его тела. Хаки повалился на пол в неестественной позе, сложившись, будто старенькая потрепанная жизнью гармошка. Сердце в моей груди в этот момент выплясывало чечетку. Я пытался отдышаться. Мне прежде не приходилось принимать непосредственное участие в драках. Перед глазами все плыло, плыло, плыло. А затем меня ослепила яркая вспышка... **LEVEL UP!**

Вы достигли первого уровня!

– Надо же! Ты это видел? Необычно. Очень странное дело сейчас произошло. Я даже не знаю, как это описать, объяснить. Бред же, ну! Перед глазами промчались буквы, слова. — я тараторил, пытаюсь сформулировать увиденное. — Они были здесь. Вот прямо тут передо мной. И этот яркий свет. Неужели только я увидел?

Он молчал.

– И будто бы... Ты будешь смеяться. Но...

Тем временем он все еще молчал. Я видел его глаза там под капюшоном. Думал, что вижу. Глубокие, бездонные черные глазища.

– ...Но у меня возникло такое чувство, словно я заново родился. Помолодел. Столько силы, столько энергии в моем теле не было... Да никогда не было! Ух!

Я поднял над головой обagrённый кровью прут и закричал, что есть мочи. Мой крик, мой клич пронесся по всем темным закоулочкам подземелья.

– Как я его вырубил, а? Лихо? Первая драка, а я уже вышел победителем. Приятно.

Легонько пнул лежащее рядом тело. Хаки не подал признаков жизни. Из его проломленной головы тонкой струйкой выбегала алая краска, смешиваясь с грязью.

Я сглотнул и почувствовал, как тело бросило из жара в холод.

– Он... — я боялся закончить фразу, боялся произнести

слова, царапающие язык. Испугался констатировать факт.

Молчаливый путник темных катакомб, стоящий передо мной, снял свой капюшон. Его глаза заполнили пространство тьмой. Бесконечные черные зрачки глядели мне прямо в душу. Но стоило отвести от них взгляд, как тут же закрадывалось понимание, что человек не совсем был человеком. Помимо гигантских глаз на его вытянутом вперед лице была густая серая шерсть. Из приоткрытого рта выглядывали стройными рядами белые острые зубы. Если еще перевести свой взгляд пониже, то тут же можно заметить его руки. Точнее лапы. Сквозь порванные перчатки торчали продолговатые когти. А из-под плаща виднелся хвост. ХВОСТ, МАТЬ ЕГО!

Человек, а, что более вероятно, крыса, кивнул мне. Я попытался взять себя в руки. Проглотил застывшую колом в горле слюну и кивнул в ответ.

У тебя не было выбора. Я знаю. Ты знаешь. Он... уже ничего не узнает. Ты повел себя как герой.

Крысочеловек молчал. Но я слышал его. Или думал, что слышу. Я смаковал сказанное им слово «ГЕРОЙ».

– Я не хотел убивать его, просто...

...так получилось. Я понимаю. Но ты сделал верный выбор. И тем самым спас меня. Он был не очень хорошим представителем человеческой расы. Я безмерно благодарен тебе за это, герой.

Геро-о-о-о-ой. Пропел я про себя это чудное слово. Вро-

де бы никогда в жизни никто меня не считал героем. Даже сам себя я не мог таковым назвать. Скорее наоборот – обычный и ничем не примечательный обыватель. Такой, как все. Не уникальный. Посредственный. Простой. Да, именно простой. Это более подходящее описание меня. Однако, в его глазах я видел себя: стоящего с гордо поднятой грудью над телом поверженного врага, облаченного в старые тряпки поверх своей одежды и сжимающего ржавый прут. Чем не герой, а?

Если ты не против, давай скинем тело в Поток. Побалуем моллюсков лакомством. Мы их разводим, но, как ты мог заметить, хозяйство пришло в упадок из-за таких, как он. Но пусть хотя бы после смерти послужит во благо.

– А разве моллюски едят людей?

Еще как.

Я поежился, вспомнив недавние грязевые ванны в глубинах Потока.

Только...

– Что?

Осмотри его карманы. Вдруг там есть что-то ценное. И ножик прихвати. Даже если для себя ничего подходящего не видишь, все равно забирай. Всегда можно продать ненужное. Торговцы готовы выложить кругленькую сумму за различные предметы, помни об этом. И, да, вот еще что, когда мы прибудем в наше поселение, я подарю тебе рюкзак. У меня как раз лишний завалился. Почти такой же, как

на мне сейчас. Это меньшее, что я могу для тебя сделать. Но столь нужная штука тебе пригодится. Я думаю, всякого рода вещей впереди ждет тебя много, а по карманам таскать их весьма неудобно, я пробовал.

– Эм, – ответил я, вглядываясь во тьму его глаз, – Хорошо. Да. Замечательно. Спасибо за совет. Но я скорее бы не отказался от горячей ванны.

Это тоже можно устроить.

Мне показалось или он улыбнулся? Могут ли крысы улыбаться? Но я не нашел ответы на свои вопросы. Наклонился за ножом и полез по карманам. Мысли сами собой умчали по совершенно другим направлениям.

Тело отправилось в свободное плаванье. Ненадолго задержался на поверхности потертый ботинок, но и его поглотили грязевые объятия Потока. Заурчала, забурлила жижа. Ей явно пришлось по вкусу подношение. Над нами же светили тусклые желтые лампочки. Мы стояли и молча наблюдали, как бушует грязь. Рядом приютились тени. Они тоже молчали. Лишь журчание Потока, да электрический звук старой проводки нарушали безмятежную тишину и спокойствие. Нам не было смысла задерживаться. И лишь стоило последним пузырькам лопнуть в том месте, где минуту назад находилось человеческое тело, мы отправились в путь. Перед уходом в дальние туннели крысочеловек остановился возле щитка. Щелкнули переключатели. Свет погас за нами, оставив Поток наедине с собой и привычной для него тьмой.

Зажегся мох, указывая нам путь сквозь тьму.

«**Посторонним вход воспрещен**», прочитал я надпись на знаке, когда мы свернули от Потока в сторону и миновали металлические ворота. Но я ведь не посторонний?

Конечно нет.

«**Опасно!**», читалось на другом знаке.

Везде опасно, что поделать. Такова жизнь.

И то правда.

Его звали Рэдс. Просто Рэдс. Крысочеловек с черными бездонными глазами и бурым окрасом шерсти. Молчаливый. Немой. В те редкие моменты, когда он все же говорил, его рот оставался неподвижен, но голос звучал в моей голове. Я никак не мог вспомнить того момента, когда он представился мне, когда назвал свое имя. Не помню. Возможно, я был так дезориентирован событиями, что это напрочь вылетело из головы. Однако, меня не покидало столь странное чувство, словно я всегда знал, как его зовут. Всегда.

Что же, приятно познакомиться.

Он шел впереди. Я плелся сзади. Его хвост словно маятник покачивался из стороны в сторону, выглядывая из-под плаща. Это гипнотизировало. И я совершенно не заметил, как мы оказались на месте. Вроде бы шли долго, брели во тьме по указателям из мха. Свернули туда, прошли там, повернули еще несколько раз туда-сюда. Однако, погрузившись в свои личные неопределенные раздумья, путь пока-

зался не долгим. О том, что мы уже подошли, известил яркий свет прожектора, бьющий в нас, разрезая тьму. Я вернулся в реальность и закрыл глаза, пытаюсь отгородиться от столь резкого света.

– Кто идет? – раздался неожиданно громкий голос. – А, это ты, Рэдс. А я уж и не ожидал тебя увидеть. Помянуть успел. Ты ведь вроде собирался им показать, где раки зимуют? И как успехи? Хе-хе. О, а это кто с тобой? Человек? – голос дрогнул, повеяло холодом.

Герой.

– Я это... мимо проходил.

Свет бил по глазам, и я ничего не видел кроме ослепительно-яркого луча. Сквозь него никак не мог разглядеть обладателя голоса. Да что уж говорить, я в данный момент видел лишь только собственные руки, расположенные максимально близко к глазам.

– Ты вроде не похож на одного из этих...

– Я не из... этих, о ком вы там думаете, я вообще здесь вроде как проездом... проходом.

– Странник, значит?

– Что-то вроде того.

– Хорошо. Только без глупостей, понял? Пусть у меня и один глаз, но я буду им пристально наблюдать за тобой. И только дай мне повод...

– Я самый мирный человек по эту сторону от Потока!

– Посмотрим. Рэдс, ты за него отвечаешь. Да, и кстати,

думаю, тебя захочет увидеть Мэв, раз уж ты все же вернулся живым и здоровым. Даже не представляю, как тебе это удалось. Наверное, не дошел, а? Прятался где-нибудь неподалеку? Хе-хе. Ладно, заходите пока не передумал.

Лязгнул метал. Ворота открылись. Мы пошли на свет, подобно мошкам, летящим на мох.

– Добро пожаловать в Стоки, путник, – прохрипел седой одноглазый крыс, сплюнув себе под ноги, – не будь, как дома. Здесь тебе не рады. Местные не любят... людей. Тебя пустил лишь из-за Рэдса. Знай это. Помни об этом.

Я ничего не стал отвечать. Просто прошел мимо. За нами закрылись ворота, и мы оказались в поселении под названием Стоки. Что же, все лучше, чем бесцельно шататься во тьме по закоулкам мрачных тоннелей.

Когда глаза сфокусировались после яркого ослепительного света прожектора, взору предстали низенькие домики-халупы, выстроенные из всякого хлама – досок, кирпичей, арматур – подкрашенные разводами разноцветной краски. Ближе к центру, где находилась площадь, халупы вырастали на два этажа ввысь, а то и на три. На площади по периметру выстроились торговые ряды. В центре виднелся фонтан, подсвеченный синими огнями. То был фарфоровый белый друг, из которого гордо бил вверх струей поток воды. А над головой разрослось бетонное небо, расписанное живописью, интерпретирующей картины времен ренессанса, мамами, граффити, да непонятными надписями, которые бы-

ло проблематично разобрать. Там же под самыми бетонными сводами среди прямых линий труб свили себе гнезда ласточки. Они кружили, летали, как маленькие шустрые точки в лабиринтах мрака и зловония.

Тут и там бегали жители поселения. Некоторые не удостоили нас своим вниманием, погруженные в свои дела и заботы. Однако, большинство останавливались и провожали взглядом, открыв рты и тыкая пальцами.

– Мама, мама, смотри – это человек.

– Тише. Не подходи к нему.

– Тьфу, бродяга!

– Кто пустил его сюда?

– Слышишь? Таких, как ты, сюда не звали!

– Мэра, Мэра, позовите Мэра!

Шепот, шепот, шепот.

*Не обращай на них внимания. Они, так скажем, не при-
выкли к подобному. Дай им шанс.*

– Ничего не обещаю, – проговорил я сквозь зубы.

*Времена меняются. Всем нам предстоит пройти через
определенные перемены. Мне, тебе, им. Будь уверен, скоро
они заговорят по-другому.*

Он что, подмигнул? В его голосе, в шепоте, что звучал у меня в голове, появилось нечто таинственное. В сердце за-
свербело. И стало как-то немного дурно, затошнило. Но это,
скорее всего, из-за того, что в желудке давненько не бывало
ничего съестного.

Мы почти пришли. Отсюда уже можно увидеть мой дом. Устал? Проголодался?

Он читал мои мысли.

– Еще как. Но сперва бы я посетил ванну. Надо бы смыть с себя эту дрянь.

Да, вид у тебя, что надо!

Его дом стоял в гордом одиночестве на окраине поселения. Огороженный частоколом с натянутой поверху колючей проволокой он не казался гостеприимным. Черные окна-глаза изучали меня, пристально вглядываясь в лицо подозрительного незнакомца. Так обычно смотрят окна на живых существ, когда давно не доводилось им видеть передвижающихся созданий. Половицы, стоило подняться к двери по двум трухлявым ступеням, жалобно заскрипели. Дверь неохотно, но все же отворилась перед нами.

Будь как дома, герой, будь как дома.

Мне придется оставить тебя на некоторое время. Не советую покидать дом. Дождись моего возвращения. Когда выйдешь, на кухне будет ждать еда. В комнате справа от ванной в дальнем конце коридора можешь отдохнуть. Там же будет лежать чистая одежда. Ту, что была на тебе, я полагаю стоит...

– Сжечь? – усмехнулся я.

Но ответа не последовало. Вместо него хлопнула входная дверь. И я остался один на один с собой в теплой воде. Мне

не хотелось размышлять о том, в каком состоянии пребывала ванная комната и сама ванна. Я просто закрыл глаза, позволяя теплу наполнить мое тело спокойствием и умиротворением. Тело ныло, тело устало, но теперь оно говорило мне спасибо. Стоило принять горизонтальное положение в приятно обжигающей воде, откинувшись на стертую эмаль, чтобы стало предельно ясно насколько же я вымотался. Я не смог вспомнить день, когда в последний раз мне доводилось нежиться подобным образом. Позабылись простые человеческие радости. А из крана все капала, капала, капала вода, разбиваясь и исчезая в белой пене. Вода за секунды окрасилась в черный, смыв с меня грязь. Смыв кровь с моих рук.

В дверь дома громко и настойчиво постучали. Но я даже глазом не повел сладко зевнув и погрузившись с головой под белую воздушную пену. Меня ни для кого нет. Меня попросту не существует.

Я бы так и заснул, но собравшись с силами я смог покинуть объятия уже похолодевшей воды. Обтершись полотенцем и закутавшись в него, отправился на кухню. Больше никто не пытался нарушить мой покой, барабана в дверь. Я был один. В сырых стенах дома оказалось на удивление весьма уютно. Безопасно. Свет расположенных по соседству с домом фонарных столбов пробивался сквозь окна на кухню. Я уселся за стул, покачивающийся из стороны в сторону на неустойчивых ножках, и приоткрыл кастрюлю. Крыш-

ка громко звякнула, опустившись на пошарпанный стол. По ноздрям тут же ударил неприятный запах. Что это? Я заглянул в кастрюлю. Моему взору предстало весьма неаппетитное зрелище. Мидии? Чуть не стошнило. Свежее воспоминание о том, как я захлебываюсь в Потоке смешалось с запахом несвежих мидий. Почти стошнило. Уже вот-вот. Кое-как все же удалось унять рвотные позывы и вернуть крышку на ее прежнее место. Фу! Тут же перехотелось есть. Ну, как сказать, очень даже хотелось, но чего-то более съестного. Изведав холодильник на наличие чего-нибудь подходящего, я заметил лишь зеленую плесень, проросшую на дальней стенке не морозящего аппарата. В животе обидно заурчало. В тоске и печали отправился в предложенную мне комнату. Настроение неуклонно катилось вниз.

Стоило попытаться зажечь свет, как электрический звук пробежал через весь дом и ударил точно по всящей под потолком лампочке в доисторической люстре. Лампочка не выдержала столь неожиданного для нее действия и разорвалась на тысячу сверкающих осколков. Точно звездная пыль, развеянная по комнате. Резкий звук стих так же быстро, как и возник. Несмотря на казус, в комнате было недурно. Диван, заправленный леопардовым выцветшим пледом. Окно, из которого разливалась по комнате желтизна. Столик, рюкзак на нем. Полки с различными книгами. И на диване свежая одежда. Я прошелся по комнате, изучая интерьер. Переоделся. Почему-то одежда мне напомнила ту, в которой был

Хаки. Штанами? Обувью? Болоньевой вьетнамской курткой грязно-болотного цвета? Наверное, всем сразу. Совпадение. Обычное совпадение. Ну не мог же Рэдс снять с него одежду, пока я не видел? Конечно, нет! Абсурд! Я сам глядел, как тело скрывается в Потоке. Одетое. Сам его туда и отправил. Так что... Но чувство некоторой неловкости осталось.

На полках стояли книги. Много книг. Я достал одну из них. Первую попавшуюся. То была книга в мягкой обложке, краска наполовину слезла, но название можно было прочитать «Планета Ка-Пэкс». Полистал страницы: желтые, местами порванные. Ее будто бы уронили в воду. Отправил обратно на полку. Следующей книгой, которую я достал оказалась «Прежде чем ваш ребенок сведет вас с ума». Странное название. Состояние страниц оказалось немногим лучше, чем в предыдущей книге. Их словно выловили из реки или озера. «Ребенок» занял свое прежнее место среди остальных книг. Напоследок я вытащил сборник стихов неизвестного мне автора, лег на диван и попытался почитать. Большая часть страниц оказались повреждены. Разобрать, что на них написано, оказалось нереальным. Но в некоторых местах все же довелось зацепиться глазу за целостные стихи.

*Нарисуй для меня тишину
В предрассвете последнего дня.
Я хотел бы увидеть луну
Сквозь застывшее пламя огня.
Карандаш по бумаге... туман*

*Нас накроет холодной волной.
Может, жизнь – это ложь и обман,
Но с тобою я словно живой.
Горизонт разольет алый цвет,
Небо вмиг запылает тоской.
Среди сотен истлевших комет
Не найти нам душевный покой.
Под ногами хрустят зеркала,
Пепел тонет в чернильной воде.
Города пусть сгорают дотла,
Ну а мы вроде здесь... и нигде.
Я хотел бы увидеть весну
Среди вихрей живого огня.
Нарисуй для меня тишину
В предрассвете последнего дня...*

К тому времени, как я дочитал последнюю строчку, глаза сами собой закрылись. Голова стала такой тяжелой, такой... С улицы доносились голоса оживленных улиц, легкий ветерок тревожил рваные серые шторы, пробиваясь сквозь приоткрытую форточку, врываясь в душную комнату. Я зевнул. Как сладко! Ох! Как хорошо! И провалился в глубокую темную яму пустоты сознания. Заснул. И во тьме мне снилось голубое небо, залитое ярким искристым солнцем.

Но это не солнце, а блики на стекле включенного монитора. А небо лишь фотография или просто картинка на рабочем столе. И ты смотришь на себя, словно со стороны, словно из-за плеча. Глаза бегают за курсором мыши. Ярлыки.

Клик-клик-клик. Ты глядишь на себя, будто сам находишься на чьем-то мониторе, а кто-то уже наблюдает за тобой, как ты наблюдаешь за собой. Прямые линии восприятия сознания скручиваются, образуя кривые рваные грани. КТО ЗДЕСЬ? Чей-то смех. Близкий, далекий, четкий, размытый.

– ТЫ СКОРО ЗАКОНЧИШЬ?! ДОЛГО МНЕ ЖДАТЬ?! – громкий голос пугает, в особенности потому, что ты не знаешь кому он принадлежит, но догадываешься. Прихвостню вселенского зла. Да-да.

– Я уже, я почти. Осталось подправить...

– ОПЯТЬ ОДНИ ОТГОВОРКИ- СКОРОГОВОРКИ?!

– Нет, я просто... просто я...
– МЯМЛЯ!

Глаза наливаются кровавой пеленой. Изображение на мониторе плывет. Ты смотришь за собой, как твоя копия пытается все исправить, он задыхается, он...

– А знаешь, ты УВОЛЕН!

– НЕТ!

– У-ВО-ЛЕН! Сам себя сотри с жесткого диска и передай права администратора ему.

Сладенький парнишка-студентик мнется в стороне, искривляясь в довольной улыбке.

– Приветули, – машет он своей тонкой ручкой.

– НЕТ!

– О, еще как ДА! Ты же неудачник, ты никто...

– Я....Я...

Ты смотришь на свои тщетные потуги выдавить из жалких запыхавшихся легких хотя бы одно слово. Ты пытаешься кричать самому себе: «возьми же себя в руки!»

Но он, то есть ты, не слышит своих слов. Пелена в глазах застилает проблески света. Тьма. Остается лишь тьма, а что же еще? Доносится злорадный смех. Смех, принад-

лежащий тысячам людей и нелюдям. А за твоей спиной уже стоит тот, кто наблюдал за тобой со стороны, наблюдал за твоим изображением на мониторе. Повернуться? А надо ли?

– Так-так-так, и что же нам с тобой делать? – слова холодом пробегают по коже на шее, волосы встают дыбом. Дыхание сбивается, как и у твоей копии за которой ты все это время смотрел. Теперь ты понимаешь его, о, да, еще как понимаешь!

Закрываешь глаза и чувствуешь присутствие за спиной. Существо нависло. Оно ждет, оно слушает, как содрогается в припадке сердце в твоей груди. ТУК-ТУК-ТУК! Так оно стучит. Громко и бессмысленно. Ты боишься, еще как боишься! Страх завис над тобой яростной грозовой тучей невероятных масштабов. И стучит, гремит твое сердце и гром смеха проносится над головой тяжелым металлическим пульсом врываясь в височные доли.

– Ты ведь ничтожество, знаешь об этом?

– Да... Нет... Я герой!

Смех.

– Посмотрим, – сухо произносит голос.

И сон отступает. Вместо жутких образов сомнительного рода предстала суровая реальность. Ну, как сказать суровая. Незнакомая. Неизведанная. Тело обливалось холодным потом, а кислорода катастрофически не хватало. Некоторое время я валялся, глядя в потолок совершенно сбитый с тол-

ку, не понимающий, где собственно нахожусь. В открытую форточку задувал вечерний холодный ветер. Огни на улице приглушили, теперь они едва светили скучным желтоватым сиянием. Жители разбредались по своим домам и окна их тут и там загорались своим личным светом. Стоки жили. Тихо, медленно, сонливо. Вечер накрыл даже столь отдаленное от солнечного света место. Часы идут везде. Тик-так, тик-так. От времени не укрыться, как бы не пытаться.

Тело онемело. На сколько меня вырубил? Час? Два? О, это странное чувство, когда лег днем на диван, прикрыл глаза лишь не секунду, а очнулся... Нигде. Кто ты? Что ты? Где ты? А тело, тело не принимает сознание. Оно отрицает твое существование. Тем не менее, взяв себя в руки я все же смог принять вертикальное положение. В голове гудело и мозги будто бы двигались там, дребезжа о стенки. Шея чесалась. В желудке звонко шумела пустота. Еще чуть-чуть и он начнет поглощать сам себя. Этого мне, разумеется, совершенно не хотелось.

Я взглянул в окно и откликнулся на зов неизвестности. Стоки манили. Улицы звали к себе. А я что? Конечно же принял их зов, поймав дух авантюризма. Хотя, скорее дух голодного желудка и желания отыскать более подходящей еды, чем (едва сдержал рвотный позыв) мидии.

Погуляв по пустому дому, позвав Рэдса, который так и не объявился, я оставил душные темные стены. Дверь хлопнула за моей спиной. Половица предательски заскрипе-

ла, спугнув тишину. Ступени, дорожка, ведущая в сторону улицы. Шаги, шаги, шаги. Дом остался за спиной, а впереди меня ждал вечерний поселок под названием Стоки, жители которого не сильно рады человеческой физиономии в поле их зрения. Что же, поглядим- посмотрим, какие события ждут меня впереди.

– Р-р-р, – загудело в нутре.

– Да заткнись ты, я и так в курсе, что тебя надо заправить. Ты мешаешь мне вести внутренний диалог!

– Ур-р-р, – с грустью и печалью отозвался желудок вновь, притихнув на какое-то время.

Вздохнув, собравшись с мыслями, я побрел вдоль по улице исчезая в черных как смоль тенях.

Вечер. Даже здесь он ощущается, чувствуется и резонирует в душе. По-особенному легкий, нежный и такой летний. Пусть нет над головою неба, пусть не мерцают в синеве первые звезды, пусть. Здесь он иной, другой, не похожий ни на что, но с той же ноткой прохлады после душного жаркого дня. И легкая дымка, обволакивающая силуэты прохожих и контуры домов. Она приплывает из-за далеких темных коридоров. С тех краев, где бежит волнительный Поток. Словно призраки, пришедшие из недр тьмы, туман сгущается и расходится по всему поселению. Теперь Стоки в его власти. В его магии и прохладе. Голоса приглушаются. Улицы остывают от очередного суетного прожитого дня. Покой,

только покой теперь царит здесь. Огни становятся неуловимыми мотыльками, едва заметными, едва различимыми. Все размыто: звуки, образы, краски. Шаги тихо звучат, пока я бреду по отсыревшей дороге вдоль серых домов. Обычная вечерняя прогулка в легкой дымке, которая вдруг прямо на глазах стала молочным туманом. Обычная. Вот только звезды отсутствуют на небе, да и неба как такового нет вовсе. Вместо него бетон. Бетон и трубы.

Вдруг меня окликнул голос. Сперва естественно я не придал ему значения, хоть и невольно вздрогнул. Я пытался убедить себя, что это все же не меня зовут. Мой путь вел к торговым рядам, и я собирался придерживаться запланированного маршрута, но чьи-то руки коснулись меня. Я аж подпрыгнул, когда фигура выплыла из тумана и притронулась ко мне. Не от страха, а от неожиданности.

– Помоги, – проговорила фигура, – помоги.

Губы пересохли. Голосовые связки онемели. Я огляделся по сторонам, но из-за тумана больше никого не увидел. Только я и странная сутулая фигура. Она приподняла голову и на меня уставились два тусклых глаза, белые, как разросшийся среди улиц туман. Седые волосы под цвет глаз, дрожащие руки-лапки.

– Я почти ничего не вижу, годы взяли свое, но там, – она указала в сторону позади себя, – в моем доме кто-то есть... что-то. Я...я услышала шорохи из подвала, звуки. Спустилась по ступеням, а с моими больными суставами это

еще то испытание, эх-эх! А раньше... Так, о чем это я... ага! Тень. Когда включила свет, я заметила тень, расползающуюся по стенам длинными щупальцами. Огромную тень! Не знаю даже кому могла она принадлежать. Я не стала разбираться. Мне так страшно, так страшно стало. Я выбежала из дома. Так быстро, насколько еще были способны мои дряхлые косточки. Но здесь никого, только ты. Помоги старушке. – в краешках ее глаз собрались слезы. Она едва стояла на колышущихся ногах.

– Да, хорошо, – ответил я, – пойдете, посмотрим, что там за монстр притаился.

– Ох-ох, нельзя же так пугаться в моем-то возрасте, сердце уже не то, что прежде, – продолжила она, качая головой.

Я же побрел в сторону дома, попутно озираясь. Знаем мы такое, да. Помоги, помоги, а затем тебя скручивают две гориллы из параллельного класса и выбивают все дерьмо. А та прелестная особа, на которую ты так долго заглядывался на переменах и которой собирался помочь, стоит в стороне и что-то строчит в телефоне, выдувая ртом пузыри из жвачки. Ага, знаем, проходили. Поэтому, только осторожность. Я шел медленно, осматриваясь по сторонам. В тумане было не разобрать ни чужих шагов, ни приближающихся силуэтов. Пустая вымершая улица. Старушка отстала, что-то тараторя себе под нос. А я уже открывал входную дверь, чтобы попасть внутрь дома.

Свет – первое, что встретило меня с порога. Вторым ока-

зался запах старости, пыли и.. еды. Пирожков? Бабушки любят печь пирожки, а я же не прочь был ими полакомиться. Но времени думать о еде не было.

– Там, там подвал, – указала мне бабулька-крыса, оказавшаяся за моей спиной.

В ожидании подвоха я стал еще тщательнее прислушиваться к окружающим звукам.

«*Не советую покидать дом.*» -голос Рэдса зазвучал в голове. Уже поздно – мог бы я ему ответить – я покинул дом, теперь приходится выкручиваться.

Белая дверь тихонько приоткрылась. Ряд ступеней, ведущих вниз, жужжащая лампочка и никаких теней.

– Что там? – дрожащим голосом полюбопытствовала старушка.

– Не знаю, пока ничего не видно. Тишина.

– Может, он уже ушел? —надежда прозвучала в ее голосе.

– Трудно сказать. Но теней никаких не видно. – я старался заглянуть пониже, но с верхней ступеньки это было проблематично сделать.

Была вероятность, что ей все показалось. Возможно, не было никаких теней, она ведь почти ничего не видит и верить ее зрению не лучшее решение. Или все это обман и ловушка? Так-так-так...

– Вот, – она протянула мне продолговатый предмет.

– Скалка? – удивился я.

– Мало ли, – пожала она плечами, – на всякий случай.

– Хорошо. – Я схватил скалку и принялся осторожно спускаться вниз по ступеням, погружаясь в тусклый подвал старушечьего дома.

Я закрываю глаза и вижу себя в тусклом тоннеле, сжимающего металлический прут. Хруст черепной кости. Кровь. Хруст. Кровь. Яркая вспышка, странные слова. Голос, голос, голос. Шум стоит в ушах. Я открываю глаза. Все еще в полумраке, только локация изменилась. Ступени кончились. Твердое зацементированное дно. И пыль, бьющая точно в нос, кружит, кружит под светом пошатывающейся лампы. Я не сдерживаю себя, нет, это выше моих сил. Раздается пронзительный и громкий ЧИХ!

– Ой, – доносится сверху, – что это?

– Все в порядке, – пытаюсь выразить свои мысли, но чишаю вновь, вытирая сопли об руки, а руки об штаны.

Вокруг никого. Только я и противный желтый свет от единственного источника, от которого уже болят глаза. Еще пыль. Да, пыль. И ничего. Старый хлам, забитые полки, пол. Ничего необычного. Картонные коробки, ржавый самовар. Кирпичи, выстроенные рядом вдоль стены, покрытые белыми мазками извести. Флюоресцирующий мох добрался и сюда, выглядывая из-за плеча куклы без глаз, но с яркими красными бусами на шее. Я осмотрелся, походил вокруг, насколько позволяло небольшое помещение. Никого. Ничего. Нет здесь монстров. Рука ослабила хватку. И побелевшие костяшки стали приобретать естественный оттенок. Скалку

переложил в левую руку, затем вернул обратно в правую. Переступил с ноги на ногу. Еще раз удостоверился в том, что никого здесь нет. Прислушался. Тишина. Хорошо. Сердце вернулось в привычный ритм. Я вздохнул с облегчением. С чистой совестью собрался покинуть пыльный подвал, оставив хлам дальше гнить на своих местах. Я уже двинулся в сторону лестницы, уже поднял ногу на первую ступеньку, как мой взор привлекло странное движение.

Черная тень расширялась передо мной на стене, приобретая форму. Тонкие продолговатые линии двигались, становились больше, больше, больше. Я развернулся так резко, так быстро, что в голове немного повело и закружилось. Сознание отстало от тела на миг. Я сжал скалку и размахнулся. Передо мной никого. Но стоило поднять глаза повыше, как существо, ползущее в моем направлении по потолку, предстало во всей красе. Эти тонкие лапки с зазубринами, мясистое мохнатое тело с белыми прожилками-линиями, эти маленькие черные глаза, в которых отражался я. Паук сосредоточенно полз ко мне, подергивая острыми жвалами. С них стекала зеленоватая ядовитая жижа.

Никогда не любил пауков. Скорее наоборот, я их на дух не переносил. Особенно таких здоровых и явно опасных. От них я впадал в оцепенение. Становилось жутко до глубины души. Обычно мне доводилось видеть их лишь на картинках, фильмах, фотографиях. Тогда они не пугали. Однажды смотрел, как тарантул «играется» с мышью в зоомагазине —

неприятное зрелище. Жутко было, когда однажды в детстве паук полз по моему плечу, а я... Ладно, не будем о грустном. Надо бы взять себя в руки. Взять, развернуть свое тело и бежать как можно дальше из этого проклятого дома. Сбежать за спичками и сжечь, сжечь все. Тем временем паук неутомимо подползал все ближе, ближе, ближе... и...

...и я даже сам не ожидал от себя подобной реакции: размахнулся деревянной скалкой и ударил что есть сил в богомерзкое существо. Судя по всему, паук удивился не меньше, чем я. Он свалился с потолка и стал извиваться в предсмертных судорогах на полу. Теперь он не казался таким жутким и опасным. Даже не был таким большим, как виделось в начале. Скорее он оказался совсем мелким. Обычное заурядное существо. Паук-паучок. Я наступил на него, тем самым прервав его конвульсии. Размазал по полу его останки.

– Ну что там? – спросила старушка.

– Все кончено, -ответил я, – все уже позади.

Я обтер подошву ботинка о край ступеньки и вышел из подвала победителем.

– О, какой ужас! – воскликнула старушка, когда я ей поведал о страшном зле, что поселилось в ее подвале. – Чем я могу отблагодарить за столь самоотверженный поступок, юноша? – но услышав китов, устроивших брачные игры в океане моего желудка, вопрос отпал сам собой.

И вот сижу, значит, гляжу в потолок, слушаю истории, которыми меня обильно снабжает старушка и улетаю за обе

щеки пирожки. Я сойду если скажу, что это не самые вкусные, самые мягкие, самые теплые пирожки из всех, которые довелось мне попробовать за жизнь! Черт меня подери, да это же просто божественно! И я не вру. Вы ведь знаете, что я не любитель лживых слов. Конечно же знаете. Вы уже в курсе. Так вот, я просто не мог заставить себя остановиться. Я чувствовал, как пицца наполняет меня силами. И желудок был мне крайне признателен, хоть и отдавал довольно странными болезненными позывами. Пока я не начал есть, я и не подозревал НАСКОЛЬКО был голодным. Ух! Сильно – это мягко сказано. Будто я не питался целый месяц, да что уж там, целый год! А то и всю вечность. Бабушка крыса довольно улыбалась, видя, что ее труды так восторженно оценивают.

– Очень вкусно, – пытался я произнести слова с набитым ртом, – прям очень-очень!

– Кушай, – радостно улыбалась бабуля-крыса.

– Это просто бошественно!

На плите закипал чайник.

– А с чем они – пирожки? – вдруг решил спросить я, – Надеюсь, не с мидиями? – от одной только мысли о мидиях и жиге Потока меня передернуло, даже несмотря на то, какие же все-таки вкусные были пирожки.

– Нет, что ты! Какие тут мидии. Это роскошь для всех нас с тех пор, как эти нехорошие люди перекрыли нам доступ к ферме. Теперь опасно туда ходить, да-да. А это... чуть

зелени, выращенной на грядке, чуть пережаренного лучка и фарш из тараканчиков.

– Тараканчиков? – переспросил я, чуть не подавившись откушенным куском.

– Да, – ответила старушка, – именно так.

Ладно, пусть тараканчики. Я не стал принимать сказанные слова близко и размышлять о том, какие это такие тараканчики. Просто с удовольствием доел пирожок.

– А что, – продолжила она, – тебе никогда прежде не доводилось пробовать их мясо? Мы ведь тут все ими питаемся, разводим. А что еще делать? Ты ведь не местный? Да? Я же тут всех знаю. Глаза не те, никак не могу понять, как ты выглядишь. Откуда ты? – она максимально прищурилась. Ее лицо стало напоминать мохнатый изюм.

– Я... – не успел закончить фразу, как случилось несколько последовательных событий.

Чайник закипел, засвистел, исторгая из себя клубы пара.

И что здесь началось! Аж жарко стало!

Я ведь уже упоминал, что старушка кормила меня не только пирожками, но и историями? Да, и вы, естественно, это помните. Это ведь было совсем недавно. Так вот, историями. Историями из жизни. Большую часть слушал вполуха. Но кое-что я все же узнал.

Она поведала мне о своей семье. Кто-то отправился покорять Внешние земли, у кого-то своя семья тут же в Стоках, но им некогда общаться и навещать старушку. И неко-

го даже позвать, чтобы помог в трудную минуту. Как сегодня вот, например. А ведь случись что, даже и не вспомнят. Охала и грустила старушка. С сыном, говорит, живет. Не одна. Но толку от него по большей части никакого. Где он? А, как всегда сидит теперь в таверне, надирается до бессознательного состояния. Или уже лежит где-нибудь в канаве весь обоссанный. Не сын, а сплошное разочарование! А если еще и кулаками решит помахать, то тут уж мама не горюй! Его уже не раз собирались вышвырнуть за пределы поселения. Пусть идет, куда глядят глаза. Но только пропадет ведь лоб здоровый. Силы много – ума мало. Вот и приходится обивать пороги мэра и просить за него. Ведь не всегда он был таким, не всегда. Раньше он работал на ферме. Но как пришли эти, так никому больше не дозволено появляться в тех краях. Единственное на чем жило наше поселение... и того лишили, гады. А наши... да, пытались отбить, пытались сопротивляться. Но больше не вернулись. Здесь теперь новые порядки – рот закрой и довольствуйся тем, что имеешь. Ничем. Вот и запил сынуля. Он и раньше прикладывался, но в то время у него был стимул к жизни, была работа. А теперь... Чертовы людишки!

Ее старые глаза видели тень в подвале. Видели странную крысу перед собой, но вполне воспитанную и выручившую ее в трудную минуту. Пусть не местную. Пусть лысую. Хворую, наверное. Но никак не человека.

Так вот.

Закипел чайник.

– МАМА?! – вдруг раздалось из-за спины. Я аж подпрыгнул на стуле и чуть не перевернулся с него. – Ты кого домой притащи-и-и-ила?! —дверь громко хлопнула.

На пороге стоял здоровенный такой крыс, едва не задевая головой потолок. Я был не маленьким, но по сравнению с ним казался коротышкой. Он пронзал меня своими темно-коричневыми глазами под цвет его бурой шерсти с проблесками седины. Его кулаки сжались в гневе. Из рта текли слюни.

– А? – только и успела произнести опешившая старушка.

– Ты домой ЧЕЛОВЕКА впустила!

– Как человека? Как... что...

Несмотря на его габариты и покачивающееся поддатое тело, резвости ему было не занимать. Однако, в нужный момент я успел среагировать. Он метнулся в мою сторону со скоростью пронзительной молнии. Так ведь и я был не лыком шит. Отпрыгнул со стула назад, перелетев через спинку, обитую мягкой бардовой тканью. Верзила со всей мощи врезался в дубовый столик, отбросив его со своего пути, словно картонку. По разным углам полетело и то, что было на нем. В глазах крысочеловека я отражался маленьким робким мышонком, зажатым в угол. Слюни из его пасти вместе с запахом дешевого алкоголя долетели до меня. Я вытер рукавом лицо и попытался оббежать его стороной, чтобы вырваться на улицу через дверь. Но не тут-то было! О, конечно же

не могло быть все настолько просто. Нет-нет-нет. Мой порыв нахлынувшей резвости оборвался в зачаточном состоянии. Его величество правая лапища схватила меня за шкуру, точно маленького котенка, и зашвырнула в сторону. Да, я отлетел и двинулся всем телом о стену, а затем повалился на пол, пытаясь схватить ртом горсточку кислорода. Нет, мне не было больно. Мне было **ОЧЕНЬ** больно. Перехватило дыхание. Я чувствовал, как краснею, а затем синею. Но понимал, что сейчас не лучшее время разлеживаться и страдать. Громила уже направился в мою сторону. Старушка же причитала о том, какая же она вся такая нехорошая по своей старческой глупости и слепоте впустила домой ПАРАЗИТА, а еще и кормила его, поила. Вот так-так! Замечательно, ничего не скажешь! Спасибо вашему дому, я пойду к другому. А, нет, показалось. Лапища настигли меня и тут, когда я уже наполовину дополз до двери, и приподняли меня на ноги, собираясь нанести сокрушительный удар, который бы выбил всю дурь из меня. Хотя, скорее не дурь, а недавние пирожки. М, пирожки-и-и!

У вас когда-нибудь было такое, что летишь себе сквозь пустоту, никого не трогаешь и пытаешься смириться с неминуемым концом, как вдруг в следующий миг ты стоишь в доме крысолюдей, которые хотят тебя линчевать? Нет? Странно. Правда, у меня такого тоже никогда не происходило в жизни до недавних пор. Видите, все бывает в первый раз. Никогда не знаешь куда заведет тебя тропа безмерно неопределенной

насыщенной жизни.

Да, так бывает.

Однако, мы отошли от темы. Жаль только, что бурый крыс не отошел. Не отпустил меня, не извинился, не поправил мою помятую курточку. Нет. Он вмазал мне, что есть сил. И тут исполнилась моя недавняя мечта. Я покинул стены старушечьего дома. Да, я сделал это! Не так, как хотелось бы, но все же. Ноги оторвались от земли, но им не привывать. Болезненное тело пронеслось над крыльцом, предварительно выбив дверь головой. Искры, искры, яркая и насыщенная боль. Чудесное завершение чудесного дня. А ведь предупреждал меня Рэдс.

На улице оказалось свежо. Очень даже свежо, когда мое тело вылетело из дома в неконтролируемом полете. Но полет не может быть вечным, мы это с вами знаем. Меня не ждало мягкое объятие Потока. Вместо него в этот раз меня с не меньшей любезностью встретил твердый дорожный грунт.

Руки в кровь, голова разбита. Мне оставалось лишь надеяться, что в теле нет переломов и серьезных повреждений. Звезды все же были видны в тумане. Даже без чистого темного неба. Они собрались в созвездия прямо передо мной в моих собственных уставших глазах, кружась вокруг. Бугай вышел из дома. Я видел его приближающуюся тушу. Шум стоял в ушах такой, что заглушал бабкины крики. Случайные прохожие останавливались и наблюдали за происхо-

дяди́м с неподдельным интересом. Где и когда бы это они увидели, как местный житель надирает ЧЕЛОВЕКУ задницу. Никогда. Вокруг трусы и ссыкуны. Вот где этот здоровяк был, когда его друзей и товарищей убивали и отбирали ферму? Где? Тишина. В ответ всегда многозначительная тишина, стоит задать неприятные вопросы.

На этом можно было бы и закончить повествование. Стоит добраться ему до меня, как сюжетная линия человека-героя тут же оборвется. Но в жизни ведь не все так просто?

Нас отделяют считанные метры. Считанные секунды. Как и бывает, время заметно начинает притормаживать. Его шаги уже рядом. Ему стоит только лапу протянуть, да сдавить мою голову покрепче, выпустив из ушей извилины. Я слышу его дыхание, я чувствую его мерзкий зловонный спиртовой аромат. Я готов, да, я готов. Хотя...

...давайте я расскажу вам историю о человеке, который смог?

Жил да был на белом свете один человек, которого никто не замечал и не воспринимал всерьез. Волочил он свое привычное ничем не примечательное существование, пока однажды не оказался в стране сточных труб. То было падение, и, казалось, падать уже дальше некуда, однако, в конце тоннеля его ожидало то еще дерьмо. И вроде после блужданий он даже стал героем на какое-то время, когда спас жизнь крысочеловеку. Но, счастливого конца не последовало. Он не обрел дома, не обрел покоя. В том поселении, которое

они звали Стоки – он сам стал крысой. Паразитом. Его хотели прихлопнуть, оставив лишь кровавое месиво. Но они не знали, что у маленького человека еще есть козырь в рукаве. Точнее в кармане. И когда местный герой-алкоголик попер на него, точно самосвал, человеку ничего не оставалось, кроме как выхватить ножик, который он одолжил у Хакки, и вонзить его в кончик хвоста бурого крысошкафа. Настал час сражений.

– Ха! И кто теперь смеется?

Туша взывала от боли и неожиданности. Даже алкогольные реки в его венах не заглушили ту боль, что пронзила все его тело. Он пошатнулся. Я успел поймать момент и всадить ему лезвие по самую рукоять еще раз. На этот раз в ногу. В ступню, в голень, в ляжку. Да, наделал в нем не мало дырочек. Кровь обагрила металл и шерсть. Затем, собравшись с силами, я пнул тело что есть мочи. Здоровяк не удержался и полетел к земле. Чем больше шкаф, тем громче звук, как говорится.

– Теперь твоя очередь страдать и нюхать грунт. – глаза застилала багровая пелена гнева и злобы. Я сжимал нож, стиснув зубы.

– Ну, кто следующий? А? А?

Старуха верещала, подбежав к своему ненаглядному сыночку, который, как девка заныл, обхватив лапищами свою израненную конечность. Мог бы я подумать, что, выйдя из дома я окажусь в столь странной ситуации? Нет, конеч-

но же нет.

Крысы столпились вокруг, охали, с презрением глядели в мою сторону. Для них я просто зверь. Бешенное животное, которое необходимо усыпить. Они стекались со всех улиц, собираясь на крики. Кто-то кинул камень. Следом полетел еще один. Попали по спине, по заднице. Я старался укрыть голову руками. Она и так болела, как, в прочем, все тело. Крысы кричали, обступая полукругом меня. Ненависть в их глазах напоминала кислоту – проедала меня до самых костей, сжигая ранимую плоть.

– Зверь-зверь-зверь! – слышал я обидные слова в своей адрес.

– Человек-человек-человек! – харкалась толпа.

Мне ничего не оставалось, кроме как развернуться и побежать. Крыса, всего лишь крыса, удирающая от стаи кошек, вот кто я есть. Я пытался уйти от преследования, скрыться в тумане. Им не хватало разве что факелов и вил для пушного эффекта гонителей. Толпа не отставала.

Нож не бросил. Не убрал обратно в карман. Пусть только догонят, ага. Пусть. Я сжимал его в своей руке и бежал, бежал, что есть сил. Но силы подходили к концу. Их вовсе не осталось. Я хотел найти Рэдса, хотел вернуться в его дом, но заплутал в незнакомых переулках и в белизне непроглядного тумана. Выскочил на свет. Впереди размытым ореолом синевы светил луч прожектора. Выход. Я был близок, чтобы покинуть этот балаган, которым заправляли безум-

цы. Не имел не малейшего желания остаться. Пустая площадь. Шум фонтана, вырывающегося под мощным напором из недр туалета. Голоса доносятся сзади. Так близко, совсем рядом.

– Где он?

– Поймать-поймать!

– Не дайте ему уйти!

– Смерть человеку!

– Монстр, чудовище, ЧЕЛОВЕК!

– Я вижу его, вижу.

– Взять, схватить, связать, закидать камнями до смерти.

– Ха-ха-ха!

Я хромал, пытаюсь вырваться из западни. Свет прожектора был предательски далек. На самом деле до него оставались считанные метры, но по ощущениям он располагался на другой планете. Я уже не мог бежать, только ковылять. Легкие горели. Кто успел в них залить раскаленного свинца? Гонители добрались до площади. Гром их бега заглушал поток фонтанной воды. Секунды отделяли меня от спасения. Почему все всегда так не просто? Снова время, снова замирает, снова я слышу звук своего вырывающегося из груди сердца. Снова и опять. Много переживаний за последнее время. Вот вырвусь, лягу на дно. Стану призраком зловонных катакомб. Может, полюблю мидии. Буду ловить их, буду варить в котелке на медленном огне. Так, стоп, а где я достану котелок? Ладно, разберусь. Обо мне будут ходить леген-

ды. Дети станут рассказывать друг другу истории-страшилки о призраке, который притаился в темноте дальних обвалившихся тоннелей. И стоит заплутать путнику, расслабиться, как тень, которая некогда была обычном заурядным человеком, который на миг однажды ощутил, какого быть героем, окажется позади. И тогда... Тогда будет тогда. А пока что я был так близок и так далек от спасения. Свет!

Обманчивый свет, сокрытый за забором. Ворота перекрыты. Сверху колючая проволока. Мне не удастся перелезть через нее, у меня не выйдет. Я пытаюсь отдышаться, прижавшись к холоду ограждения. Затем в тщетных попытках стараюсь сдвинуть ворота. Приоткрыть их, хотя бы чуть-чуть, чтобы я мог просочиться сквозь щель. Но не судьба. Я уже готов опустить руки, как приходит понимание – сторожевая вышка.

Поднимаюсь по ступеням. Свет бьет в тоннель передо мной, развеивая и туман, и тьму. Я могу перелезть, могу спрыгнуть и скрыться. Да, все в моих руках. Ищите меня потом, удачи, ага. Хватаюсь за занозистое дерево, перекидываю ноги. Но что-то не дает мне перебросить свою болезную тушку на ту сторону. Что-то хватает меня и тащит обратно. Я с хрипом выпускаю воздух из легких, стараясь вырваться. Еще цепляюсь за балку, но руки не удерживаются за нее, соскальзывают.

– Нет! – Кричу я. – НЕТ!

– Я ведь предупреждал, что буду следить за тобой? Мне

и одного глаза достаточно. Только дай повод, говорил я. Только дай повод.

Надо мной вырос седой крыс с одним единственным глазом. На месте второго красовался длинный ужасный шрам.

– Предупреждал?

– Да, – отвечаю я.

– Тогда, – пожал он плечами, – не серчай.

Тяжелая лапа, сжатая в кулак, приземлилась мне на голову. Все моментально перекрасилось в черный цвет. Тьма поглотила меня, но перед тем, как окончательно утонуть в бессознательной яме, меня ослепила ярчайшая вспышка. Я ведь уже видел подобную. Что, что там написано? Буквы пронеслись перед глазами, и я почувствовал покой и некое облегчение.

Квест «ГОСТЕПРИИМСТВО» завершен

Замечательно. Теперь можно отправляться во тьму собственного сознания. По крайней мере отдохну. Но пока глаза не закрылись проследил за тем, как слова украсили светом пространство вокруг.

LEVEL UP!

Вы достигли второго уровня!

Как давно я не видел солнечного света. Уже и забыл какого это, когда мир вокруг тебя залит приятным теплом. Когда нет тьмы, осточертевших стен и затхлого сырого запаха – вместо этого открытые пространства и свежий воздух. Свежий приятный воздух и ветерок, так нежно пробегающий по волосам, по коже. Сидя во тьме, да еще и с закрытыми глазами, я слышу звук прибоя, слышу ветер, слышу трели птиц. Ощущаю свободу. Она во мне, я чувствую ее. И пока есть в человеческом сердце это славное чувство – он всегда будет свободен. Даже в столь безвыходном положении, как у меня.

На голову капают и разбиваются по волосам капли с протекающей трубы. Я успел напиться, наполнив несколько раз руки-лодочки водой. Надо ли говорить, что здешняя вода имела странный металлический привкус и царапала горло? Но в безвыходном положении даже это вполне здоровое решение, чтобы увлажнить пересохшие губы. Голова болела, о, еще как болела. Но все прочее тело ощущало себя сильным, здоровым. Будто не было никакой битвы, где меня швыряли об стены. Я никогда себя не чувствовал в более чудесной форме, чем сейчас. За всю жизнь. Ух! Я готов был горы сворачивать, но вместо этого мог лишь пройти метр прямо, еще

метр в стороны и вернуться на прежнее место, сев на мокрый пол и прижавшись спиной к стене. Случившееся казалось теперь таким далеким. Правда ли за мной гонялось целое поселение крысолов? Сколько я провел времени в заточении? Где я вообще нахожусь? Клетка. Пару раз я надрывал горло, звал, кричал, матерился. Бесполезно. На мои вопли никто не явился. Не слышал я ни голосов, ни шагов, ни звука открывающейся двери. Я был один, заперт в камере с плесневыми стенами. Меня запихнули подальше, как бешенное животное, чтобы скончался в одиночестве. Закрыли-забыли, вот и все дела.

Но спустя час, два, или через день тонкий лучик света прорубил себе путь сквозь тьму и добрался до меня вместе с приближающимися шагами. Я тогда дремал и грезилось мне нечто чудесное. Странные дивные цветные образы. Пестрые цветы, солнце, лето.

– Папа?

– А, кто здесь? – я слышал или мне показалось. Я ли это говорил или думал, что говорю? – Кто сказал папа? – никто. Тебе показалось. Твой воспаленный разум бредит. Очнись!

Я ведь советовал не выходить из дома. Видишь, как все получилось... не очень хорошо.

Знакомый голос зазвучал где-то внутри меня. А затем я увидел тьму огромных глаз, глядящих мне точно в душу.

– Да уж. С этим не поспоришь.

Наслышан я о заварушке, произошедшей в Стоках пока

меня не было рядом.

– Было весело. Жаль только, что финал выдался не очень... продуманным. Каким-то смазанным, если ты понимаешь, о чем я. Эх. А мог бы сейчас бежать, как вольный подземный житель в поисках очередных приключений.

Ты думаешь, что это финал? Это тот конец, который ты для себя выбрал?

– Я ничего не выбирал. Все решили за меня. Ты по ту сторону, я по эту. Нас отделяет друг от друга решетка. Реальная свобода там, внутренняя свобода здесь. Как-то так. – пожал я плечами.

Раз уж ты не выбирал, то может стоит взять себя в руки и подняться с колен?

– Может, но...

– Так вот тот самый герой, который помог нашему Рэдсу? – раздался второй голос во тьме. Женский.

– Я Мэв, – представился голос, – мэр Стоков. Давно пора было познакомиться. Сожалею, что первая встреча у нас проходит при таких обстоятельствах, но... Я думаю, что нам стоит поговорить о сложившейся ситуации и о дальнейшем развитии событий, как думаете? Но здесь не подходящее место для этого. Уж больно сыро и уныло. Пойдемте.

Дверь клетки распахнулась. Шаги стали удаляться по коридору в сторону двери. Я последовал за ними.

Плесневые стены камеры сменились относительной роскошью кабинета Мэв. На мере поселения под названием Сто-

ки был надет клетчатый пиджак с заплатками на локтях. Такие обычно носят писатели с кризисом среднего возраста, либо преподаватели, считающие, что так студенты будут их воспринимать всерьез. Но на черной крысе с белым «воротничком» он смотрелся весьма эффектно. Она уселась в свое кресло под кожу и медленно затянулась тоненькой длинной сигаретой. Клубы дыма подсветили луч света фонаря, подглядывающего за нами из-за штор. Здесь явно было гораздо уютнее, чем в камере.

– Они, жители Стоков, – Мэв махнула в сторону окна позади себя, – готовы линчевать тебя, стоит лишь дать им на то волю. Но нет. Нет-нет-нет. Я не позволила.

– Почему?

Мэв затянулась.

– Не каждый день человек помогает крысолюду, не так ли? – кольцо дыма полетело ко мне.

– Не знаю, – ответил я, прокашлявшись, – я так, знаете, мимо проходил.

Она сверлила меня взглядом. Молчала. А затем продолжила разговор.

– Рэдс поведал мне историю. Небольшой рассказ о чудесном спасении. – все это время сам Рэдс молча сидел позади в темном углу, листая в лапах то ли старый потрепанный дневник, то ли книгу без опознавательных знаков. Но я чувствовал на себе взгляд его черных бездонных глаз. – Человек убивает человека. Надо же. И тут я подумала, а что

если... что если все случившееся сегодня вечером с тобой, с Трипом – просто недоразумение? Нервы у всех на пределе, не так ли? Общество обеспокоено. Ты можешь быть опасным преступником, а, может, как ты говоришь, «мимо проходил». Кто знает, да?

– Наверное, – пожал я плечами. — Не знаю.

– Ты, – она указала на меня почти докуренной сигаретой, – мне нравишься. В тебе есть это, как там его, энтузиазм!

– Энтузиазм? – переспросил я.

– Вот именно! И я решила, что ты как раз тот, кто нам нужен.

На это мне нечего было ответить, поэтому промолчал и продолжил слушать, что же она мне такого скажет.

– Ты ведь уже в курсе о том, что у нас здесь творится?

– Не совсем. К ферме вам доступ перекрыли. Еще людей вы не любите.

– Да-да-да, и нет. Есть такие, так скажем, определенные особи человеческого рода, которые пошли с нами на конфликт. Пропашие. Так они себя называют. С одним тебе уже довелось недавно познакомиться.

Я инстинктивно глянул себе на руки. Мельком показалось, что на них все еще осталась кровь, хотя давно должна была отмыться.

– Раньше все подземелье было нашим. Крысы свободно бродили по тоннелям не боясь, что их схватят за хвост. Мы разводили мидий, вели торговлю, как с другими ближайши-

ми поселениями, так и с Внешним миром. Но те времена прошли, когда к нам вторглись Пропашие. Кого убили на месте, когда отправили в лагерь. Они хотят, чтобы мы преклонили колени, чтобы стали для них рабами. Но мы свободные! Были, есть и останемся. Но наше бедственное положение ты сам мог увидеть, прочувствовать. Вот что для тебя свобода?

– Быть, эм, свободным?

Она пропустила мой ответ мимо ушей.

– Настала пора нам нанести удар. Для начала вернуть своих. Тех, кого с ферм захватили и отправили в палаточный лагерь. Я знаю, что главный у них послезавтра покинет подземелье на пару дней, и это отличная возможность, чтобы...

– Стоп-стоп-стоп. Так, собственно, от меня чего вы хотите?

– Как чего? – искренни удивилась Мэв, – совершить столь отважный и самоотверженный поступок во благо общества!

– Общества, которое ждет не дожидается чтобы линчевать меня?

– Все совершают ошибки. А ты, если Рэдс действительно прав, герой. Что же делают герои? Правильно, помогают. Да, я могу тебя отдать сейчас им на растерзание, но зачем? Вернувшись с задания, ты для них станешь богоподобным существом. И те, кто кричал громче всех в твою сторону гадости, будут носить на руках, попомни мои слова.

Перспектива вторгнуться в лагерь маньяков выглядела весьма сомнительной.

– У меня есть выбор?

– У каждого есть выбор. Но в твоём случае, кхм, боюсь, что его нет. Мне в любом случае придется выступить перед народом. Все ждут. Либо я скажу, что ты отправляешься на очень важную миссию во благо нашего народа, либо отдам на суд общественности и мы оба знаем, какое решение относительно тебя они примут. Такое вот скудное дальнейшее развитие сюжета в твоём светлом будущем.

– Понятно, -вздохнул я. – Выбор в данном случае, я полагаю, очевиден. – и хоть никогда прежде этим не занимался, но все же попросил, – можно мне сигаретку?

– Разумное решение! —Мэв улыбнулась и протянула мне сигарету, достав ее из серебристого портсигара.

В комнате зажглись два огонька. И дымом заволокло мысли.

Толпа стеклась не маленькая. Будто все последние собрались здесь на площади перед зданием мэрии. Я чувствовал себя неловко перед такой толпой, где каждый смотрит исключительно на тебя. Тем более с нескрываемым презрением, но и с любопытством тоже. Не всем довелось до недавних пор увидеть человека в живую. Тем более того, кто устроил в самом центре Стоков беспорядки. Я же старался не глядеть на них, заливаясь багрянцем. Ковырял носком ботинка доски, ставшие для нас импровизированной сценой. И пялился в пол, держа себя в руках. Кислорода катастрофически

не хватало. До сих пор я не подозревал, что у меня боязнь сцены, но догадывался. А, в прочем, это не худшее из всех зол. Понимание данной истины помогло поймать поток кислорода и успокоиться.

– Так вот, – продолжила Мэв, – наш уважаемый гость – человек – самоотверженно решил помочь нам с возникшей проблемой.

– Ага, – раздалось из толпы, – он уже «ПОМОГ».

– Я теперь инвалид. Он истыкал меня ножом. Посмотрите, посмотрите!

– Да-да! – поддержали его.

– Я еле выжил. Человек – зло в чистом виде. Как можно доверять ему. Все они монстры. И здесь каждый со мной согласится.

– Именно так! – вторила его словам толпа.

– Лучше сжечь его прямо здесь и сейчас, чем ждать, когда он выкинет очередной фокус. В котором пострадаю не только я, но и все остальные. Подумайте о детях!

Мэв молча выслушала. Вздохнула. Продолжила.

– Случившееся является простым недопониманием с обеих сторон. И ты это прекрасно знаешь, Трип, не надо только разжигать пламя ненависти, хорошо? Только начало дня, а ты уже пьян что ли?

– Я, эм, да, но причем здесь...

– А при том, уважаемый, что среди всего нашего не столь большого коллектива кто еще соберется отправиться в па-

латочный городок – в рассадник врагов – чтобы вызволить своих? Ты, Трип? Хочешь стать героем?

– Я бы сходил, но теперь не могу, посмотрите на ногу. Я пережил резню!

Рядом стояла старушка. Она рыдала, обхватив своего бедного сыночка.

– Да успокойся ты уже! Наш ГОСТЬ завтра вечером отправляется на опасное задание во благо всего нашего общества. А до тех пор никто, слышите, никто не имеет права причинить ему какой-либо вред! Он – наш гость. Проявите хоть капельку гостеприимства. Можете не обращать на него внимания, можете игнорировать, но не смей даже пальцем трогать! Это приказ лично от меня. Он не пленник, не узник. Ему не нужно сидеть взаперти. Он имеет полное право гулять по Стокам.

Толпа замолчала, внимательно слушая речь мэра.

– Всем все ясно? Хорошо. Что же, на этом, я думаю, собрание можно считать законченным.

Толпа принялась разбредаться. Трип какое-то время еще возмутился, но его возмущения потонули в общей суете. Он тоже не стал задерживаться, а поковылял на костылях в сторону таверны, чтобы утопить свою печаль в самом дешевом пойле.

– Счастливый ты сукин сын, – произнес своим грубым сухим голосом одноглазый, – на ее месте я бы вздернул тебя на площади, чтобы порадовать жителей, да и дело с концом.

Хотя бы повеселились бы, глядя, как ты корчишься в петлице. Но, увы, я не мэр.

– И это хорошо, – ответил я ему.

Я услышал, как он усмехнулся за моей спиной. Но не стал оборачиваться, не стал продолжать бессмысленный диалог. Мы с Рэдсом покинули сцену, спустившись по ступеням, и побрели через площадь мимо фонтана из туалета, мимо торговых рядов. Я все еще ловил на себя взгляды, но в них что-то изменилось. Отношение ко мне несколько поменялось. В лучшую сторону, наверное. Пока добирались до дома Рэдса я не слышал за спиной в свой адрес грубых слов, никто не норовил бросить в меня камень. Быть может, я просто перестал обращать внимание, но тем не хуже. Морально и физически устав, мне катастрофически требовался покой. Я был уверен, что если приму горизонтальное положение на диване, то с вероятностью в сто процентов просплю до завтрашнего вечера, когда уже необходимо отправляться на самоубийственное задание. Тем не менее, этим я и собирался заняться. Просто заснуть, забыться и выкинуть из головы всевозможные переживания.

Рэдс шел молча рядом, опустив голову под его излюбленным черным капюшоном. Он не старался завести со мной диалог, видя, что голова у меня и так забита. Миновав площадь, поднявшись выше по улице, свернув левее и уйдя к окраине поселения, мы оказались возле дома Рэдса. Его черные глаза-окна, столь же бездонные, как и у моего спут-

ника, с трепетом встретили нас. Стены наградили покоем и безопасностью, как только дверь закрылась за нами, оставив позади закоулки злополучных Стоков.

Среди запутанных темных тоннелей в южной части подземелья затерялось всеми забытое поселение под названием Стоки. Некогда оживленный торговый центр стал лишь собственной тенью, эхом прежних времен, скрывшись за бетонными плитами, ожидая перемен. Его жители – крысолюди – хмуро ходят по улочкам, словно призраки. Они не живут, они выживают. Их существование свелось к постоянному ожиданию. Ожиданию чуда. Ожиданию перемен.

Их осталось так мало под сводом купола. Город будто бы был построен в центре старинного храма, ушедшего под землю. На потолке виднелись произведения живописи. Дома жители выстроили из того, что смогли отыскать на просторах подземелья: палки, доски, металлические листы, арматуры. Все, что попадалось на глаза. И вот смотришь ты перед собой и видишь хибары, слепленные из всякого хлама. А стоит поднять глаза выше, там пусть и не голубое небо и не звезды, но тоже нечто прекрасное под слоем грязи и матерных надписей. Здесь можно найти красоту. Но красота та будет своеобразная. Чего только стоит фонтан в центре поселения на площади рядом с довольно оживленными торговыми рядами! Белому другу нашли новое применение. Да уж. Гово-

рят, если кинуть в струю монетку, а та ее подкинет под потолок и попадет по трубе, то тебя ждет удача. Честно, я не проверял. Не верю во все такое. Но жителей я замечал за подобным занятием. Но кто их осудит? Может, только это им и остается. Частичка надежды.

На торговых рядах можно было найти массу вещей. Но большая их часть была абсолютно ненужным бесполезным хламом, как по мне. Жители просто старались заработать, чтобы приобрести хотя бы немного еды и прожить еще один день. Суета на площади царила знатная. И могло показаться, что поселение живет полной жизнью. Люди что-то обсуждают, торгуются, продают, раздается смех, пробегают мимо дети, играя в свои игры. Жизнь. Но стоило взглянуть немного в сторону, туда, где во тьму за бетонной стеной взирал яркий луч прожектора, как тени колючей проволоки отбрасывались на улочки Стоков. И понимание холодом вонзалось в сердце. Изоляция.

Раньше здесь был и другой выход. Он находился за домом Рэдса. В той стороне, если пройти чуть дальше от Стоков, можно заметить заваленный тоннель. Над ним еще видна вывеска «Южный выход, посторонним вход РАЗРЕШЕН». Но он наглухо перекрыт. Видно, что завал старались разобрать, только забросили это дело. Странно. На вопросы о том, что случилось и почему вдруг тоннель обвалился никто так и не дал ответа. Молчание.

Раньше они разводили моллюсков и торговали ими. Тон-

нели не были такими темными. Вдоль торговых маршрутов тьма освещалась фонарями. Не было страшно выходить за пределы поселения. Вокруг текла жизнь. С юга на восток, на север, на запад брели путники, не переживая о собственной безопасности. Да, подземелье огромно и даже в те светлые времена бывали такие места, в которые лучше не забредать, тем более в одиночку. Но о них знали и обходили стороной. Брели по проверенным проторенным путям. Но пришли люди. Вылезли ли они из темнейших тоннелей, либо им осточертел дневной свет, и они вошли в подземелье через главные входы, кто знает. Они назвались беженцами и просили помощи. От кого они бежали, почему? Бандиты, убийцы, воры – вот кто они есть. Их становилось все больше и больше. Они назвались Пропавшими. Раньше на западе находилось небольшое, но оживленное поселение в заброшенном депо. Теперь вместо него разросся так называемый палаточный лагерь. И уже скоро начали пропадать крысолюди. Один за другим. Кого в последствии нашли мертвым, от кого осталась лишь одежда, кто-то вовсе исчез бесследно... такие невеселые дела.

Опасно стало выбираться за пределы поселения, опасно. Ферма закрыта. Стоит лишь подумать о том, как бы включить там генераторы, как нож тут же окажется у твоего горла. Спросите Рэдса, он вам расскажет какого это. Но даже в столь безвыходной ситуации находились те немногие, кто ухитрялся покинуть пределы Стоков и вернуться обратно

живым. Пропавшие для себя решили, зачем нападать, когда можно дождаться, что эти крысы сами передохнут в своем маленьком ограниченном мирке. Либо погрызут друг друга с голоду или еще от чего. Либо однажды от безысходности откроют ворота и отдадутся на их милость. Не тут-то было. В изоляции появились бегуны. Это те отчаянные представители Стоков и других отдаленных поселений, кто решился выбраться из подземелья на поверхность, где доставали продукты, одежду, оружие и тащили их обратно, тем самым спасая крыс и сохраняя крысолюдскую независимость. Честь им и хвала. Кроме тех, кто по возвращению заламывал невероятную стоимость. Такие просто барыги. И нет им прощения. Не знаю, почему таких вообще допускают в поселения, пусть проваливаются куда подальше. Но, наверно, это из-за безысходности. Тяжелые времена порождают чудовищ.

Однако, вернемся обратно в Стоки.

Проплыв по волнам бессвязных абстрактных снов, я очнулся на знакомом диване в доме Рэдса. Уже привычный запах пыли и легкого ветерка, задуваемого в приоткрытое окно, встретил меня по утру... или по вечеру. Сколько же я проспал? Часов двенадцать, не меньше. Но трудно сказать точнее, когда у тебя нет часов, а время в подземелье ведет себя крайне странно и едва ли ощущается. Что же, пора бы и ноги размять перед дальнейшим путешествием (в один конец?).

Как выяснилось, все еще был тот же самый день. Дол-

гий-долгий день. Только утром я покинул плесневые стены камеры, затем провалился в бессознательное, заснув в доме Рэдса рядом с книгами. И вот я здесь. Вечер. До путешествия впереди целые сутки. А сутки – это так много, почти жизнь! Да, я бы мог не пытаться заигрывать с судьбой, мог бы не хватать ее за причинное место. Но тогда я был бы не я. Что уж тут поделаться, когда стены дома начинают давить, сжиматься в кольцо вокруг тебя. И нет больше причин терпеть, нужно бежать, бежать прочь навстречу непознанному, неизведанному. После случившегося выходить за пределы дома, казалось, по меньшей мере неразумно, но... но... но...

...здесь я должен придумать нечто вразумительное, но не справился с поставной для себя задачей. Просто такой вот я человек – авантюрист. Стоит мне покинуть пределы дома, как может случиться все, что угодно. Но если останусь на месте, тогда точно не случится ничего. Вообще ничего. А это хуже, потому что скучно. Скука – это едкая кислота, прожигающая тебя изнутри. Стоит скуке завладеть тобой, как и жизнь начнет казаться бессмысленной и унылой. Нет-нет-нет. Это не для меня. Уж лучше я снова буду испытывать судьбу, чем начну покрываться плесенью и грибами. А они уже добралась до шеи, видимо, раз так чешется. А, нет, показалось, это просто остатки не отмытой грязи. Но не суть.

Рэдс сидел у себя и перебирал бумажки за столом под светом настольной лампы.

– Я пройдуся, – оповестил я его.

Понятно.

Голос сухо зазвучал в моей голове. Он не пытался меня остановить. Он даже не удостоил меня своим вниманием, полностью сосредоточившись на бумагах.

– Со мной ничего не случится, – попытался убедить его, или самого себя, – я ведь теперь под защитой. Попытаюсь не ввязываться в неприятности. Просто прогуляюсь, посмотрю, что здесь и как.

Хорошо.

Голос чуть оживился. Он даже поднял на меня глаза и проводил взглядом.

Рэдс подарил мне рюкзак. Я захватил его с собой на тот случай, если вдруг осознаю тщетность бытия и попытаюсь свалить из Стоков. Или если вдруг найду что-нибудь интересное, и, как он говорил, не по карманам же таскать. Лучше перестраховаться, предусмотрительность – наше все. Накинув куртку, переложив ножик в правый карман, так, на всякий случай, а то мало ли, я открыл дом и спустился вниз по ступеням. Этот вечер принял меня. Тумана нет. Огни фонарей светят вдоль улиц. С площади доносятся голоса. Такое тихое вечернее поселение под названием Стоки. Место незабываемых переживаний и случайных событий, населенное крысолоудьми. Место, которое располагается в южной части Подземелья за Потокком, за моллюсковыми фермами, переживающими не лучшие времена. Если вдруг наткнетесь на луч, бьющий во тьму, и заметите бетонные стены, свер-

ху оплетенные колючей проволокой, не пугайтесь. Вы пришли по адресу. Здесь вы будете в безопасности, наверное (информация не достоверна). Но определенные события так или иначе произойдут. И это будет интересно (не гарантирую). Или лучше идите прочь, бегите. Покиньте Подземелье. Вернитесь домой, на утро пойдите на работу. Наслаждайтесь своей привычной жизнью. Или просто не слушайте меня и делайте так, как считаете нужным. Так правильнее. Так разумнее. У каждого своя жизнь и свое приключение в этом безумном огромном мире.

А я же... пойду, пожалуй, и посмотрю, что из этого выйдет.

Среди фонарей мелькали тени случайных прохожих. На площади былолюдно. Торговцы не собирались закрывать свои лавочки, предлагая горожанам приобрести по разумной цене: расческу, использованную зубную щетку, половину рулона туалетной бумаги, попахивающие мидии, доски, гвозди, пакетики чая, покрытый пятнами матрас, книги. Ничего интересного, подумает каждый, и будет прав. Но несмотря на столь скучный хоть и богатый ассортимент, шла оживленная торговля. Горожане обменивались безделушками, торговались, спорили, присматривали для себя что-нибудь необычное в груде хлама, болтали. Разговоры оживляли Стоки, наполняли поселение жизнью. Можно бы-

ло решить, что никаких проблем нет. Закрывать глаза, чтобы не видеть разруху, и просто слушать, слушать их. Шум жизни. На меня старались не обращать внимания, хоть и было заметно, как отходят в сторону, стоит только мне приблизиться. Как затихают разговоры, как на меня устремляются взгляды, а житейские обсуждения сменяются на недовольный ропот. Тем не менее, все шло вполне нормально.

Я прогуливался мимо палаток с барахлом, приглядывая что-нибудь интересное. Но, естественно, ничего не попало на глаза. Рассматривал весьма неожиданные вещи типа фарфоровой статуэтки гуся, одноглазой розовой волосатой игрушки, бубновой шестерки, пакетика грязи, которая, по заверению продавца, излечит любые болячки. Да, главное верить. Но стоит пройти дальше от лотков с абсолютным барахлом, как окажемся в той части торговых рядов, где продают еду. В большей степени, здесь даже пахло приятнее, да и толпа заметно возросла в количестве. Но тухлыми мидиями пованивало, стоило подойти к плесневым бочкам поближе. Было грустно наблюдать, как наскребают последние монетки, чтобы купить хотя бы краюшку черствого хлеба. У самого в животе пусто, как, собственно, и в карманах. Хоть шаром покати. Если вывернуть карманы в штанах оттуда вылетит моль вместо пары позолоченных монеток. Обидно. Герой без дома, без средств, голодный и уставший от жизни. Герой, которого заслуживают Стоки. Такой же, как и все здесь. Неприкакаянная душа, старающаяся протянуть до зав-

трашнего дня. Однако, пора прекращать жалеть себя.

– Я не буду продавать ничего... человеку. – процедил сквозь зубы старый крыс с проплешиной на пол головы, пересчитывая в руках мелочь, когда я остановился рядом с палаткой, где продавались жаренные тараканы, -Иди мимо.

Я не успел ничего ответить ему, как перебил другой голос.

– А я вот с радостью продам. Иди. Иди сюда.

Послушавшись, подошел к соседнему лотку.

– Торговля есть торговля. Для нее нет расы, нет пола, нет предубеждений. Все просто. Кто-то продает, кто-то покупает. А он, – деловитого вида крыс в шляпе махнул в сторону своего соседа по торговому ряду, – Расист. Пусть дальше ТРАВИТ жителей своими большими тараканами.

– Что ты сказал? – вытаращил глаза плешивый, но ответа не дождался. Крыс в шляпе не удостоил его вниманием.

– Так, о чем это я... Ах, да, выбирай, покупай. Что больше нравится, чего больше хочется? Взгляни. Все свежее, все вкусное. Из Верхних земель привезенное лично мною.

– Ты из бегунов?

Крыс улыбнулся.

– Я – Фез – вольный торговец. – Он снял шляпу и поклонился.

– Из тех, кто не собирается помогать мирным жителям? Барыга?

– А вот это было обидно. Я ведь не альтруист, не меценат. Я такой же житель этого прогнившего мира, как и прочие.

И как остальные, просто стараюсь выжить. Торговля – это торговля. Так ведь? Риск для жизни должен окупаться. Тем более, в отличии от этого СТАРОГО ПЕРДУНА, мои цены весьма разумны. Я всегда готов пойти навстречу покупателю. Ведь клиент всегда прав. Неужто все это делает из меня барыгу?

– Я так, просто спросил. И, пойду, пожалуй. Денег-то у меня все равно нет. Хожу, смотрю, люблюсь. – желудок предательски заурчал.

– Эй-эй-эй, постой! Я вижу, по твоим глазам, что у тебя есть желание приобрести мой товар. Ты ведь не просто здесь решил прогуляться, я полагаю. А раз мы оба встретились здесь сегодня в этом замечательном месте, значит нам есть, что предложить друг другу. Пусть денег нет, но, может, есть что-то такое, на что можно поменяться? Обмен тоже приветствуется.

Рука потянулась в карман с ножом, но замерла на рукоятке. Меняться на нож было не в моих планах. Он трофеей, он мое оружие.

– Нет, ничего с собой нет. – ответил я и собирался продолжить свой путь в скитании по площади.

– Ты ведь герой, так? – спросил Фез, – тот, о ком здесь столько разговоров? Кто навел шорох среди горожан? Кто спас Рэдса победив Хаки? Да, я знаю, это ты.

– Откуда?

Он дружелюбно усмехнулся.

– Моя работа – знать. Знания тоже товар. Самый дорогой, надо отметить. Да, я знаю, что человек, вошедший в Стоки прошел нелегкий путь, а еще более трудный ждет его впереди. А так как человек в этом поселении один, то, надо полагать, это ты. Герой. И вот я подумал, мы можем заключить с тобой сделку.

– Сделку? – с сомнением переспросил я.

– Да. Небольшую такую сделку. Я ведь не могу отпустить Героя на столь важное и опасное задание голодного. Откуда тогда взять ему сил, чтобы преодолеть нелегкий путь? Но вот беда, законы торговли не позволяют мне просто подарить. Однако, есть у меня одно предложение.

– Слушаю.

– В том лагере, куда ты направляешься, есть один человек. Нехороший человек. Старый, грязный, бородатый, со скверным характером. Его зовут Вьетнам. Или Вьетнамский Флэшбэк. Не спрашивай почему, но, как рассказывают, он вроде воевал, а по ночам просыпается с криками о вертолетах и ножом в руках. Короче, дело не в этом. Узнаешь ты его по деревянной ноге от колена. Принеси мне ногу. Убей, избавь мир от этого монстра и принеси деревяшку, как трофей. Он забрал что-то у меня... – Фез повернулся боком. Его хвост отсутствовал. Вместо него едва заметно дергался обрубок со струпьями обгоревшей плоти. – ты заберешь что-то у него. Кровь за кровь. Взамен же можешь взять столько фруктов, овощей, мяса, сколько сможешь унести. Но помни,

что по счетам надо платить. Согласен?

Я протер глаза. Затем еще раз, чтобы убедиться окончательно. Собеседник ждал моего ответа. Я же стоял и пялился на него открыв рот. Его окружал сияющий контур. Святой-крыс? Нет, конечно же нет. То был не нимб, а сияние вдоль всего тела, словно под одеждой и под шерстью провели неоновые полоски. Затем всплыла надпись над ним. Одни буквы, являющиеся источниками точно такого же бледного белого свечения.

Начать задание «Кровь за кровь, нога за хвост»?

«ДА» – «НЕТ»

Наверное, со стороны картина выглядела глупо. Фез сморщил лоб, уставившись на меня в ожидании ответа. Я стоял, словно столб, открыв рот, разглядывая свечение, которое, по всей видимости, наблюдал лишь я один. Мне только не хватало слюны, стекающей с уголка рта – вот главный штрих героя с ограниченными мыслительными возможностями.

– Так что? – уже не выдержал Фез и повторил свой вопрос.

А я был словно загипнотизирован. Мог бы спросить его о свечении, о словах, но тогда бы выставил себя еще большим идиотом. Поэтому я попытался абстрагироваться, принял явление за возможную часть бытия и дал ответ.

– Да, – ответил я, – согласен.

Светящиеся слова развеялись подобно туману над рекой, подобно призрачному облаку в яркий солнечный день. Вместо них остался лишь фонарь, выглядывающий из-за плеча Феза. Его контур тоже поблек и совсем перестал быть видимым. На некоторое время задержалось лишь слово «ДА», но и оно, взорвавшись яркой ослепительной вспышкой растворилось в пространстве.

– Замечательно! – хлопнул в ладоши довольный Фез. Улыбка красовалась на его лице... морде. Или это был оскал? Так бывает с крысолюдьми, не всегда понятно. – Чего

желаешь набрать в свое долгое и опасное путешествие?

И тут я обрадовался, что прихватил с собой рюкзак. Вот как знал, как чувствовал. Оказалась нужная вещь в хозяйстве. Так вот.

Мимо бродили жители Стоков. Никто не видел сияющих букв. Никто не видел слов, прорезающих вспышкой пространство. Как и прежде горели лишь огни вдоль улиц и вокруг площади. Крысолюди обсуждали свои обычно-привычные дела. У меня же перед глазами было так светло, так ярко. Но в голове царила тьма. Странно. На что я подписался?

Вечер не собирался заканчиваться. Набитый под завязку различными вкусностями рюкзак оттягивал плечи. А ведь Рэдс оказался прав, когда говорил, что он мне пригодится. Присев на бетонных плитах на окраине города, я ел самое вкусное яблоко в жизни. Никогда бы не подумал, что лучшее яблоко за все года я отведаю в таком необычном месте, как Подземелье. Но на этом странности не закончились. Стоило мне открыть рюкзак, стоя возле Феза, я увидел на дне металлический прут. Тот самый, которым я размозжил голову Хаки. Рэдс сохранил его, бережно опустив на дно подаренного рюкзака. А я ведь успел и забыть о нем. На ребристом металле виднелась засохшая кровь, навевающая тошнотворные воспоминания. Хрясь-хрясь! Череп ломается на раз-два! Хорошо, хоть продукты Фез старательно упаковал в пакеты. Не хотелось бы мне есть яблоки с кусочками засохшей крови

и ржавчины.

Я любовался вечерним засыпающим городком. Глядел на расходящихся по домам жителей. И было так спокойно, будто бы я оказался дома. Во рту сладко, в желудке сыто, на сердце легко. Что еще нужно для счастья? Поймать миг, сохранить момент. Застыть, слившись с холодными бетонными плитами. Но мои погружения внутрь себя и размышления ни о чем вдруг прервал странный звук. Звук стал громче, доносясь из-за заваленного тоннеля, который находился за моей спиной. Я обернулся, прислушался, всматриваясь во тьму, где виднелись лишь обломки бетонных стен, кирпичи, арматуры. Ничто не могло проникнуть сюда сквозь обвалившийся тоннель, как и никто не мог покинуть Стоки через него. Наглухо замурованный проход. Но звук усилился. К нему прибавилось содрогание земли. Землетрясения? Только этого и не хватало. Я схватился руками за плиты, на которых сидел, старясь удержаться на ногах. Грохот сотряс землю подо мной, передо мной и надо мной. Глухой металлический звук донесся из-за стен. Сердце ушло в пятки.

– Это гигантские черви несутся сквозь тьму. Слепые, ненасытные, смертоносные. Но ты не пугайся, им сюда не добраться. Они бродят по своим проторенным дорогам.

От неожиданности я вздрогнул. Да что там, даже подлетел. Старый крыс из неоткуда оказался рядом. Его хриплый голос заглушил стихающий грохот.

– Это они обвалили тоннель? – поинтересовался я, взяв

себя в руки.

– Да, – ответил он, вслушиваясь в почти уже стихший гул, – давно это было. Давно. – Он вздохнул и погрузился в свои личные воспоминания, пропитанные тяжестью прожитых лет.

Одной тайной стало меньше. Идем дальше.

Огромные черви больше не беспокоили пространство. Мы еще немного посидели молча, смотря на Стоки, наслаждаясь тишиной. А затем я достал из рюкзака пару яблок и протянул их старику. Он принял подарок не без удивления. Я спускался вниз в сторону домов, когда позади услышал: «Спасибо!»

Наступила ночь. Погасли огни. Я решил прогуляться перед тем, как вернуться домой, сделав небольшой крюк. На моем пути не встретилось ни единой души. Все разбежались по своим домам и теперь из окон светили одинокие огоньки. В тишину и безмолвное спокойствие погрузились Стоки. Легкая прохлада побежала по улицам. Тени наблюдали, притаившись в закоулках. И я шел в приподнятом настроении, пока меня не остановил плачь.

Да, это определенно кто-то всхлипывал и шмыгал носом. Я остановился и поглядел по сторонам, пытаясь найти источник звука. Долго искать не пришлось. Им оказалась маленькая фигурка едва различимая в сумраке Стоков. Девочка сидела то ли возле дома, то ли сарая, опустившись на колени.

– Что случилось?

Девочка испугалась, резко обернувшись на меня. Хотела убежать, но вместо этого заплакала еще сильнее.

– Тише, – старался я ее успокоить, но при этом ближе не подходил, чтобы не спугнуть, – вот, на, – я протянул ей апельсин, который достал из рюкзака, – могу я чем-то помочь? Что все-таки у тебя случилось?

Она не ответила. И апельсин не взяла. Она собиралась протянуть руку, чтобы принять дар, но одернула себя. Нельзя доверять человеку, все это знают. Оно, в принципе, и правильно. Даже человеку нельзя доверять человеку – истина истин.

Тем не менее, я не оставил ее в беде. Опустил апельсин на замелю и катнул его к ней. Лапка опустилась на подкатившееся оранжевое солнце и протянула его к себе.

– Меня не стоит бояться. Я хочу помочь. Расскажешь, что произошло?

Она всхлипнула, утерла рукавом нос и прижала апельсин к груди.

– Мама мне сегодня купила мячик на рынке. Я игралась с ним, а он укатился от меня и закатился под дом. Я вижу его, но не могу достать. Мама убьет меня!

– Эй, это ведь не проблема. Давай я его достану. Где он, показывай?

Она указала на небольшую прорезь под домом.

– Так, сейчас я, ага.

Я опустился рядом с ней. Девочка отошла в сторону, наблюдая за моими манипуляциями.

Попытался заглянуть под дом, но ничего не увидел. Ладно, не беда. Протянул руку, надеясь, что она не застрянет. Погрузил ее по локоть в пустоту. Я чувствовал, как на руку наматывается паутина. Вспоминался паук из подвала. Передернуло. По коже пробежал холодок. К горлу подкрался ком. Я старался отогнать прочь дурные мысли.

– Он там! Немного правее.

– Хорошо.

Я повел руку вправо, пытаюсь на ощупь отыскать мячик. Нашел. Кончиками пальцев подтолкнул его поближе, перехватил ладонью и крепко сжав в кулаке вытащил на свободу.

– Это он?

В руке у меня был небольшой бледно-розовый резиновой мячик. Неужели он стоил детских слез?

Она радостно закивала. Я отдал ей игрушку.

– Где ты живешь? Уже поздно.

– Тут, недалеко, – ответила она, махнув в сторону.

– Пойдем, я провожу тебя. Мама, наверное, переживает?

– Наверное, – опустила она голову.

Пока мы шли, она рассказала мне, что у нее мало друзей. Их вообще почти нет. В поселении осталось мало детей. И родители запрещают им уходить далеко от дома. Опасно ведь. Поэтому так скучно. А она что-то заигралась, а потом и мячик потеряла. Боялась без него вернуться домой, так

как мама очень рассердится. Пока она рассказывала мне все это, мы уже подошли к дому. Девочка постучала. На пороге тут же оказалась ее мать.

– Где ты была?! – глаза матери расширились при виде меня и напоминали два озера, наполненные чернилами.

– Я... да я...

– Быстро в дом!

Дверь хлопнула передо мной. Уже отойдя на приличное расстояние от дома, я слышал крики матери. И голос девочки, пытающейся оправдаться.

В свете единственного на всю улицу фонаря появилась знакомая фигура. Она вышла, а скорее даже вывалилась на улицу из заведения «Огонек», местной таверны. Его нога и кончик хвоста были перемотаны бинтами. В этот раз без костылей. Видимо пропил их.

– Так, э-э-э, нельзя с инвалидами! Я еще трезв, как стеклышко!

– Иди домой, Трип.

На сей раз не стал испытывать судьбу и решил свернуть в проулок. Так мой путь становился немного длиннее, зато нервы останутся в порядке. Зачем мне лишние пустые стычки с неадекватными крысолюдьми. Пройду мимо, да и все. Так думал я. На деле же оказалось все несколько иначе.

Я свернул в проулок и побрел в обход в кромешной тьме. Здесь даже окна не горели. Большинство жителей уже видели второй, а то даже третий сон. А я же, подобно неприка-

янному призраку, плыл сквозь ночь, стараясь отыскать для себя приют. Дом Рэдса, однако, уже виднелся на горизонте. Темными окнами взирает вдаль, возвышаясь над поселением. Если бы я до этого не был внутри и не провел там некоторое время, он бы показался мне пугающим. Жуткий вид заброшенного дома, где определенно должны жить призраки. Ну, один там точно скоро будет. Глаза слипались и зевалось весьма славно. Ноги вели меня вперед, и я думать забыл о пьяном амбале. А зря. Бдительность – залог долгой и счастливой жизни. До дома оставались считанные метры, когда передо мной из темноты выросла фигура. Несмотря на усталость, живости в моем теле было предостаточно. Рука молниеносно оказалась на рукоятке ножа.

– Думаешь, ты геро-о-ой? – раздался хриплый пьяный голос. – Думаешь, Мэр тебя защитит? Я вижу, вижу, кто ты есть на самом деле. – в мою сторону повеяло стойким букетом самого дешевого пойла на свете.

Трип стоял покачиваясь. Я боялся, как бы он не приземлился на меня и не придавил своим весом.

– Я вижу твою темную человеческую..., – он смачно рыгнул, а затем договорил, – ...сущность. Ты изувечил меня. И я тебе этого так не оставлю. Ты нажил себе врага. Пусть д-д-другие и закрыли глаза, но не я.

– Как скажешь, – ответил ему я, немного расслабившись. Трип не собирался нападать. Он выглядел жалко. Крайне жалко для такого огромного крысочеловека. Его бинты

на ноге и на хвосте пропитались грязью и засохшей кровью. Глаза, налитые алкоголем, не горели, не пылали яростью, они пропитались грустью и тоской. Мне даже на миг стало немного жаль его, но память о побоях оказалась сильнее. Я попытался пройти мимо. Он перехватил меня своей огромной лапой.

– Эй!

– Я всем докажу, что ты не герой. Попомни мои слова.

– Да как скажешь. А теперь отвали! – я вырвался из его хватки и быстрым шагом направился к дому.

Уже открывая дверь, миновав ступени, я обернулся и увидел темный силуэт. Он стоял на том же самом месте, где и был. Так же покачивался. И просто стоял, просто смотрел мне вслед, не собираясь уходить. Пусть стоит хоть до утра, чокнутый алкаш. Уже скоро я покину городские стены и отправлюсь в путешествие. Подальше отсюда. Как можно дальше. Пройду сквозь нелегкий путь, но в конечном итоге окажусь победителем. И все увидят. Все-все-все. Каждый убедится, что я **НАСТОЙЩИЙ ГЕРОЙ!**

«Ты не герой», – звучал голос в моей голове.

Это мы еще посмотрим.

Когда за полночь я вернулся домой, тихо приоткрыв дверь, из коридора виднелся свет. Рэдс так и сидел в своей комнате, перебирая бумаги.

О, ты уже вернулся?

Услышал я удивленный голос в своей голове.

В тусклом свете танцующей свечи его глаза казались еще более черными, еще более бездонными, чем при свете тоннельных лампочек. Ему не нужны ответы и рассказы, он заглядывал глубоко в душу, открывая даже самые потаенные ящички. Кто-кто, а Рэдс видел тебя насквозь. Его голос, звучащий в твоей голове, одновременно пугал и воодушевлял. Слова переплетались с собственными мыслями. Он знал, где я был и что делал. И он вздохнул с облегчением, видя, что я не встрял в неприятности. Хотя, толика подозрительности закралась в уголок его левого глаза. И чуть-чуть в уголок правого. Или просто так тени легли?

Ты можешь не заключать сделки, в которых не уверен.

Прервал Рэдс тишину.

– Понятно, – ответил я, – но зато смотри, теперь есть, что взять с собой в дорогу. Столько вкусностей!

Хорошо. Позволь мне кое-что показать тебе. Присядь.

Конечно же я послушался и приземлил свою пятую точку на соседней стул. Рэдс копался в листах. Желтых, отсыревших листах, исписанных рукописными текстами и разрисованными кривыми рисунками.

Все переплетено. Любые действия имеют последствия.

– Ладно. Как скажешь.

Взгляни.

Он протянул мне лист. На нем была фотография. Точнее

копия фотографии из паспорта неудачно отсканированной. Что может быть хуже фотографии из паспорта? Конечно же ее отсканированная версия. Лицо больше походило на черную грязь. Но в нем я каким-то чудом смог разглядеть знакомые черты. Свои черты. От фотографии шли линии.

– Что это значит?

Я знал, что ты окажешься здесь. В нашем подземелье. В положенный час, спустившись с небес, явится он – герой. Лишь его пути не ясны, перемешены в тугой клубок, напоминающий сплетенных змей. Однако, ответь, что делает из тебя героя?

Я не успел дать ответ. Рэдс продолжил.

Выбор. Любое принятое тобой решение влияет на окружение. Там, где Поток скребет берега, я ждал тебя. И спустя недели, дни – ожидания мои подтвердились. Ты сделал свой первый выбор. Помог мне. Тем самым была запущена череда последовательных событий. Но куда приведет тебя дорога, увы, мне не ведомо. Одно лишь безусловно ясно: грянут перемены. Они уже настали.

– Постой-постой, ты хочешь сказать, что все предопределено судьбой? Грустно как-то получается, когда за тебя все уже кто-то решил.

Судьбой и твоим собственным выбором. Части паззла разбросаны и лишь в твоих руках собрать его в целостную картину. Моя же роль - быть твоим верным другом, товарищем, соратником и наставником.

– Вот и замечательно! – я поковырялся в бумагах, но ничего в них не понял. – Голова уже ватная от этих... странных разговоров, да и день был долгим. Я, пожалуй, это, пойду спать. Хорошо?

Разумеется. Утро вечера мудренее.

– Все так! Спокойной ночи. Удачи... в чем бы ты там не занимался.

В своей комнате я скинул рюкзак, снял куртку болотного цвета и завалился на диван. Глядел в потолок, почесывая шею. Вновь так зачесалась сильно. Не аллергия ли часом? Надеюсь, пройдет. Я прикрыл глаза, позевывая, думая обо всем и ни о чем. Сон подкрался незаметно. Так обычно и бывает. Тьма подкрадывается и хватает тебя, а когда понимаешь, что произошло, уже поздно. Ты во власти бессознательного. Прими. Смирись. Но я и не жаловался. Отдых был необходим. Жаль только, что я снова падал, падал и падал в бездонную черную пропасть.

– ПАПА? -слышится до боли знакомый голос.

– Кто это? Кто здесь?

Я ведь сплю. Это мое сознание разговаривает со мной. Я знаю этот голос? Естественно. Он же мой. Как это я его сразу не узнал?

– Папа? – вновь раздалось со всех сторон. -Помоги!

Страх. Паника. Сны должны успокаивать, а не причинять боль. Для боли есть реальность.

– По-мо-ги! – эхом пронеслось вокруг.

– Чем я могу помочь? Я же достал мячик!

Боль стала пульсировать по вискам, словно кто-то кидал о стенки мяч. Тук-тук-СТУК.

– Не уходи!

– Я здесь. Здесь. Но кто ты?

Я разговариваю с самим собой. Я же сплю. Я, мой голос, мое сознание, моя собственная черная пропасть в которую падаю.

– Ты ведь герой. Мой герой! Почему оставил меня?

– Никого я не оставлял. Я путник, странник без прошлого. Иду, куда хочу, куда глаза глядят.

Совсем крыша поехала.

Ноги коснулись твердой земли. Тоннель. Свет в конце. Нет-нет-нет. К свету в конце тоннеля я не готов. Решение развернуться вокруг собственной оси и пойти в противоположную сторону воплотилось в жизнь. В коридоре находилось множество дверей. Большая их часть оказалась намертво закрыта амбарными замками. Ключей, естественно, рядом не оказалось. Я проверил. Карманы пусты. Над некоторыми дверями весели таблички «**ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!**», но я ведь не посторонний. Мне можно. Все это знают и каждый может подтвердить мои слова. Я не лжец! Так и знайте. Вот только в эти двери мне не хотелось входить. Закралось странное чувство, будто я не хочу знать, что находится за ними. Поэтому проходил мимо, стараясь не глядеть в их сторону, опасаясь, вдруг откроются

сами.

– Папа? – донеслось из глубин расширяющегося коридора.

– Я не я и корова не моя. – пропел себе под нос, стараясь не слушать назойливый голос.

Голову сдавило тисками. Впереди возникла высокая стройная черная фигура. Без лица. Размытая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.